

КЛЭР ТВИН

КОШМАРЫ В

САЛЛИ ХИЛЛ

Клэр Твин Кошмары в Салли Хилл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39502475

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-95859-3

Аннотация

Салли Хилл малонаселенный, но известный всему миру городок Америки. О нем немало писали в газетах, говорили в новостях и снимали документальные фильмы. В 1971 году произошло первое убийство, которое потянуло за собой ещё череду смертей. Никто из жителей так и не отважился разгадать страшную загадку городка, пока однажды старшеклассница Марго не взяла дело в свои руки, чтобы наконец-то узнать о тайнах Салли Хилл и доказать всем свою теорию. Любопытство сводит её с двумя юношами, и втроем они отправляются на встречу приключениям. "Кошмары в Салли Хилл" книга о дружбе, самоотверженности, заговорах и доброте. Мир, в котором оборотни бродят среди обычных людей.

Содержание

1971 ГОД. ПЕРВАЯ КРОВЬ	5
ЗАЦЕПКА	11
ДВА ГОДА НАЗАД	22
ПОРЫВ ОСЕННЕГО ВЕТРА	39
ПРИБРЕТЕНИЕ	62
НОВОЕ – ЗНАЧИТ, СТРАННОЕ	69
ТРИО	86
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Клэр Твин

Кошмары в Салли Хилл

Посвящается моим читателям и друзьям.

1971 ГОД. ПЕРВАЯ КРОВЬ

Стояла жаркая погода. Воздух, казалось, обжигал лёгкие, высушивая их, от того у каждого второго прохожего кружилась голова. Духота измотала.

Когда солнце достигло зенита, миссис Уинклер вышла из продуктового магазинчика с бумажным пакетом, в котором находилась любимая ветчина её мужа. Она считала своим долгом угодить ему, потому что сильно любила. И потому, что он был кормильцем семьи с крупными банкнотами в кармане, более того – Бенджамин занимал высокое положение в городе, являясь одним из известных хирургов не только Салли Хилл, но и целого штата! Поэтому семья Уинклер могла себе позволить такую мелочь, как ветчина.

С гордой осанкой и самоуверенным взглядом, но спокойная, как сегодняшшний ветер, Харпер миновала магазины Салли Хилл, изредка обнажая белоснежные зубы, которые она недавно подлечила в клинике Антонио – хорошего друга семьи. Любой человек, даже неосознанно, но стал бы хвастаться крепкой здоровой челюстью, и Харпер не исключение. Она была самой лучшей женой для Бенджамина не только внешне, – шея её подстать лебедю, грациозная походка, узкая талия, подчеркнутая поясом, сочные красные губы и маленький носик с небольшой горбинкой, но самое главное – глаза – изумрудные, сияющие на солнце, как бриллиант,

как только что выпавший снег на январском солнце. Словно огни фейерверка в крошечной тьме. Однозначно, Харпер Уинклер одна из достопримечательностей Салли Хилл. Здесь она обрела дом, друзей, поклонников, но не стоит забывать про завистниц, мечтающих занять чужое место.

Шелковые белокурые пряди вьющихся волос путались на ветру, легкий сарафан с ромашками слабо развевался на ходу. Она легкой походкой перебежала через дорогу, успев поздороваться с соседкой, и, отменявшись парочкой фраз, улыбаясь небу или, наверное, прекрасному дню, завернула за угол, где находилась клиника мужа.

«Да, он будет рад меня видеть, – думала она, – а ещё больше ветчине. Он же так любит поесть».

Ей пришлось поздороваться ровно двадцать семь раз то ли с коллегами мужа, то ли с пациентами, но от чего-то Харпер это не в тягость. Уж слишком у неё хорошее настроение, которым хочется делиться со всеми. Однако странно улыбаться без причины – говорят, подобное к слезам.

Минуя коридор, Харпер мельком оглянулась. Белые стены немного потрескавшиеся, но никто не обращал на это внимания, ведь не очень хороший ремонт компенсируется «золотыми» руками доктора. В воздухе стоял запах спирта и медикаментов, но для Харпер этот запах был давно родным, поскольку даже дома часто слышны похожие ароматы. В особенности, когда доктор Уинклер принимает пациентов на дому.

И вот долгожданный кабинет с табличкой. Она хотела было войти внутрь, но столкнулась с незнакомцем, очередным клиентом мужа. Вежливо попросив прощения, Харпер улыбнулась в предвкушении и легонько постучалась в дверь.

– Входите, – донесся голос.

Не мешкая, поправляя платье, ведь следовало выглядеть красиво, Харпер заглянула в просторный кабинет, где за рабочим столом находился Бенджамин. На фоне светлого интерьера его смуглая кожа особенно выделялась. Узнав в дверях любимую, мужчина стянул с лица маску и улыбнулся. Идеально выглаженный белый халат подчеркивал его статный вид и широкие плечи.

Бенджамин избавился от перчаток, бросив их в мусорную урну под столом, жестом приглашая Харпер пройти внутрь.

– Дорогая, – радостно протянул тот, рассматривая красавицу перед собой.

– Не хотела отвлекать тебя, – обратила внимание на стопку бумаг Харпер, виновато вздыхая и одновременно протягивая мужу пакет с ветчиной. Возможно, это её оправдает.

Чёрные глаза Бенджамина широко распахнулись, он довольно хмыкнул.

– Ох, Харпер, ты знаешь что я люблю, – отложив пакет с ветчиной, мужчина нежно обнял её, оставив невесомый поцелуй на щеке.

Это в свою очередь заставило девушку покраснеть, но даже румянец ей к лицу. Бенджамин считал себя везунчиком

и любимцем Бога; он никогда не жаловался на свою судьбу, да и не на что. Он счастлив. В шутку о нем говорили: «Сам Господь Бог поцеловал этого человека в младенчестве».

– Вообще-то я пришла предупредить тебя, – внезапно добавила Харпер, решительно выпрямляясь. – Хочу навестить могилу матери, давно не была на кладбище... неправильно это!

Бенджамин понимающе кивнул; он сам в малом возрасте потерял отца, ему хорошо знакомо чувство скорби и каково это скучать по тому, кого не вернуть назад.

– Хорошо, иди, конечно.

– Ужин на плите, остальная еда в холодильнике, – наставляла Харпер, но взволнованный голос перебил её:

– Ты так долго будешь на кладбище? Сейчас же только полдень! – возмутился тот, бросив быстрый взгляд на часы антикварные часы с кукушкой.

– Нет, ну что ты? После кладбища зайду в гости к папе. Мы давно не виделись.

Бенджамин промолчал и не стал возражать, однако поджал губы, этим давая понять, что не хотел бы возвращаться после работы в пустой дом. Заметив выступившие на подбородке морщины, Харпер мягко улыбнулась, поцеловав мужа в губы. Харпер очень любила его и ни в коем случае, даже случайно, не желала его огорчать.

– Будь осторожней, ладно? – ободряюще улыбнулся Бенджамин, чье сердце оттаяло после поцелуя.

– Ладно, – она потянулась к дверной ручке. – Увидимся вечером.

И Харпер оставила кабинет. Вот только она ещё не знала, что больше они никогда не увидятся...

* * *

На следующий день в Салли Хилл было пасмурно. Будто небо разделяло всю боль жителей города. Каждый нёс траур и до конца не мог поверить в произошедшее. Это просто бесчеловечно! По всем улицам патрулировали кареты местной полиции в поисках убийцы, а холодный ветер гнал по пустым улочкам Салли Хилл газету с главной новостью:

«На кладбище найдено выпотрошенное тело Харпер Уинклер, жены Бенджамина Уинклера».

Кто-то думает, что на Харпер напало дикое животное, вроде волка или медведя, но, если животные имели возможность говорить, они бы непременно протестовали, потому что даже они не посмели бы расправиться столь жестоким образом с незащитной женщиной.

Половина лица Харпер полностью отсутствовало, точно так же, как и её левая рука. Живот распорот, а наружу выпотрошены внутренности, которыми лакомились слетевшиеся на трупный запах насекомые. В глазах Харпер застыли ужас и страх, а сломанная челюсть будто открыта в попытке кричать.

Весь город в недоумении, а подобное приводит к панике.

Паника порождает страх, а страх – это хаос.

В день похорон Бенджамин, не проронив ни слова, сидел рядом с закрытым гробом, глядя в одну точку. Его жизнь закончилась в тот момент, когда Харпер в последний раз вздохнула. Единственное, о чем он думал, через что пришлось пройти его любимой жене?.. Почему именно она? И какая тварь способна на такое злодеяние?

С того дня в Салли Хилл не было покоя. Каждый пребывал в страхе, что окажется следующим. И они не ошибались – следующие были...

ЗАЦЕПКА

Я не обращала внимания на обидные прозвища, потому что верила в свою правоту и цеплялась за неё зубами, как голодная собака за кусок мяса. Пусть меня считают ненормальной, странной, пусть бросают косые взгляды, не страшно! Однажды, уверена, люди поймут как ошибались, и тогда наступит моё возмездие. Уже предчувствую сладкий вкус триумфа.

Многие убеждены, что моё место в психушке, потому что мне, якобы, мерещится чушь, но это, говорю я вам, правда! До сих пор волосы встают дыбом, а ладошки ужасно потеют. Как вспомню... Кошмар! Меня мигом охватывает ужас! Я правда видела его и, честно говоря, не могла поверить собственным глазам, но зато теперь со стопроцентной уверенностью я готова сообщить, что знаю кто убийца двенадцати жертв Салли Хилл.

Моя мечта – стать известным репортёром, и если мне удастся разобраться в странностях нашего необычного городка, то впереди меня ждёт прекрасное будущее и карьера. Только представьте: семнадцатилетняя девчонка разгадала загадку нашумевшей истории Салли Хилл. Тогда мои фотографии появятся на всех первых страницах газет, включая New York Times. А работать там – успех! Поэтому, как у настоящего репортёра, у меня есть своя собственная фотока-

мера и блокнот с ручкой, в который я делаю все пометки и наблюдения. Запомните: каждый может оказаться убийцей.

Вообще-то люди близки к разгадке: они думают, что в лесу завелся волк-людоед. Практически, это правда. Моя гипотеза немного отличается, именно из-за неё все и называют меня психопаткой, потому что я считаю, что убийца – оборотень. Хотите верьте, хотите нет, но это, к сожалению, правда. Не встретить я с ним лицом к лицу, сама бы не поверила, однако, встретилась... С тех пор во мне бушуют противоречия: инстинкт самосохранения против неутолимого любопытства и даже жажды приключений.

Я подняла короткие волосы в хвост, из которого вылезали несколько прядей, и надела старые брюки. Их не жалко испачкать. На столе меня ждала фотокамера на шнурке. Перекинув её через голову, я обула ботинки, точно зная, куда идти. За это время мне удалось вызубрить всю местность, научиться разбирать следы различных представителей флоры и на всякий случай фауны. В запас со мной всегда моя личная «википедия» – собственноручно составленный справочник о животных, обитающих в местных лесах. Мне пришлось ворошить всю городскую библиотеку в поиске нужной информации, а это такая муторная работа.

Распухнув окно, я вернулась за рюкзаком с необходимыми вещами, как дверь в мою комнату с непродолжительным скрипом отворилась. Черт, попалась!

– Ох нет, Марго, ты снова за своё? – мама устало выдох-

нула, сложив руки на груди.

Её чёрные кудри падали ей на лицо, прикрывая глаза; под полупрозрачной рубашкой просвечивался белый бюстгальтер.

– Мам... – начала было оправдываться я, только надменный голос зазвучал раньше:

– Тебе ещё не надоело?! Все и так тычут в тебя пальцами, а ты продолжаешь подогревать слухи! Перестань заниматься ерундой.

– Это не ерунда, – насупившись, вскрикнула я, и прядь моих красных волос, выбравшись из резинки, упала на глаза. Я заправила её за ухо. – Погибло двенадцать человек. Возможно, их убил оборотень...

Тут она, услышав то, о чем просила забыть, не выдержала:

– Да нет никаких оборотней, Марго! Их не существует!

Я привыкла, что мне никто не верит, но слышать это каждый день – надоедает. Стало обидно до дрожи: чувство, будто я одна против целого мира. Впрочем, наверное, так оно и есть.

– Я его видела собственными глазами, мама! И я докажу каждому, что не лгала! – крепче сжав ремешок, я залезла на подоконник.

Мама устало закатила глаза и поторопилась ко мне, очевидно, чтобы образумить.

– Дочка, пожалуйста, перестань вести себя как... помешанная. Люди же все видят!

Я посмотрела на неё, нахмутив тонкие брови. Наши разговоры всегда заканчиваются ссорами, это необратимо и в какой-то степени циклично, как, к примеру, закаты или восходы, как смена времён года.

— А ты скажи им, что я наркоманка. Ты же всегда так оправдывалась, — не пытаясь скрыть задетые чувства, я прыгнула вниз, прямо на подстриженную лужайку.

К счастью, наш дом одноэтажный, и приземления почти всегда удачные. Но первое время от неудачных прыжков болел копчик.

Игнорируя просьбы мамы вернуться, я наоборот помчалась подальше от дома, на запад, где начинался лес.

К счастью, небо заслонили тучи, и солнце не пекло, но воздух оставался горячим, тяжелым, даже спертым: скорее всего, ночью быть грозе.

Наш город далеко не мегаполис и его легко выучить. Так что мне знаком каждый дом, будь он соседский или недавно построенный. Они стоят в ряд, друг напротив друга. Небольшие магазинчики с постаревшими вывесками и уличные распродажи, где порой можно найти что-то стоящее. Именно так я приобрела свой фотоаппарат, а чёрный фонарик, который светит на большие расстояния, удалось приобрести на прошлой неделе, у соседей за гроши.

Проходя мимо белого двухэтажного дома с раздвижными воротами, я всегда покрывалась мурашками. Здесь проживают Грины — их родственник, племянник хозяина дома, по-

жилого Оливера Грина, десятая жертва. Одиннадцатой стала выпускница старшей школы – Дакота Блоуф, её труп нашли на опушке леса, почти разложившимся. Подробности состояния тела опустили, но я уверена – приятного мало, поскольку у каждой жертвы отсутствовали конечности, а в единичном случае, у пятого тела, не было глаз и рта. Покопавшись в старых газетах, в интернете и у дяди Боба в его рабочем кабинете, я смогла разыскать фотографии почти всех несчастных. Но фотографии не приближали меня к оборотню, потому что на них отсутствовали зацепки.

Погрузившись в мысли, я и не заметила, как уже прошла мимо старой водонапорной башни, а водонапорная башня считается границей с лесом Салли Хилл. Конец августа. Многие пожелтевшие листья опали на землю, и изредка раздавался их шелест под ногами. Они хрустели как палочки Читос. Нос раздражал сладкий аромат полевых цветов, но пройдя глубже, слышался запах сырости и мокрой почвы. Чем дальше в лес, тем холоднее воздух. Высокие хвойные деревья, покрытые мхом и кое-где смолой, сползающей по толстой коре вниз, прятали за собой небосвод.

На секунду перед глазами потемнело, но, моргнув несколько раз, завеса пропала, а лес будто стал контрастнее. Здесь довольно атмосферно на первый взгляд, но это не более, чем иллюзия. За красотой и умиротворением таится нечто страшное...

Час с лишним я блуждала по периметру в поисках че-

го-то подозрительного, чего угодно! Мне нужна была зацепка. Вскоре, выдохшись, я вышла на небольшую поляну, окружённую высокими соснами и кустами можжевельника. Тучи рассеялись, и яркий свет слепил глаза, поэтому я машинально опустила голову вниз. И не зря...

– Что это тут у нас? – обращаться к невидимому собеседнику стало обычным делом.

Опустившись на корточки, я достала с рюкзака книгу «Следы нашей фауны», лупу и блокнот.

Похоже, это то, что я искала – настоящее доказательство моей невиновности! Нервно улыбнувшись находке, я вся подобралась от забурлившего внутри меня адреналина. Это был след оборотня. Да, точно он – слишком огромная, вытянутая человеческая стопа с подушечкой, которая четко выражена и углублена в землю. Размер когтей, – здесь я достала железную линейку, – восемь сантиметров. Нет, быть того не может! Перепроверив, я ахнула: действительно восемь сантиметров. Это ошеломило меня, но вместе с восторгом появилась и тревога, ведь передо мной то, что по сути не должно существовать. С другой стороны, я могу доказать свою правоту. Невероятно, это первая зацепка за столько лет...

Сглотнув кислый ком, я перевела взгляд с картинки учебника на живой след оборотня. И так раз за разом, пока я просто-напросто не шлёпнулась на землю.

В голове полная каша! Я столь отчаянно искала зацепку, а найдя, растерялась.

Сделав пару снимков с разного ракурса, я прикусила губу, чтобы перестать по-дурацки улыбаться. Щелк.

«А мне никто не верил, обзывали сумасшедшей! – хмыкнула я мысленно, продолжая фотографировать, только уже вблизи. – Выкусите! Все ещё на коленях ползти будут, вымаливая у меня прощение».

Вдали послышался какой-то шорох, затем щебетание лесных птиц. Не реагируя на звонящий телефон в кармане рюкзака, я подняла лупу, чтобы лучше рассмотреть детали следа. Ничего примечательного нет. Да, если мне и везёт, то только частично. Сорвать куш не удаётся.

Телефон и не думал замолкать, прямо как мама во время нашей ссоры. Отключив его, я сосредоточенно взглянула вниз, но мысли унесли меня за пределы леса. Я даже не посмотрела на экран, когда отключила мобильник. Все и так ясно, наверняка это была мама, которая в данный момент рвёт на себе волосы из-за моего очередного побега. Видите ли своим поведением я лишний раз доказываю свои странности! Отыскав подходящего размера камень с углублением, чтобы не повредить улику, я аккуратно заслонила им находку, понадеявшись, что дождя все-таки не будет и след останется нетронутым. Уверена, этот след не единственный в своем роде. Судя по всему, волк направлялся на восток. Восток... Насколько мне известно, там ничего, кроме разрушенной церкви, нет.

Позже я не спеша собирала принадлежности, чтобы вер-

нуться домой, однако игнорируемые мною шорохи усилились, пока передо мной внезапно не выросли чьи-то ноги. Я застыла, глядя вниз.

Судя по обуви, мужчина. Классические ботинки с инициалами «В. Н.» были из настоящей кожи, дорогие и блестящие... самоуверенностью. Глаза плавно скользнули от его классических штанов к белой рубашке с пиджаком, а затем к необычно белому лицу, как у мертвеца, и нездоровым кругам под глазами. Боже, а ему что здесь надо?..

Рассматривая друг друга с лёгким прищуром, мы оба сохраняли молчание. Это было неожиданная встреча и весьма странная, учитывая, кто он и кто я. Очевидный вопрос вот-вот сорвется с кончика языка, но прежде я решила повнимательнее рассмотреть парня: широкий рот с пухлыми губами, которые полны трещинок от постоянных укусов зубами. У него ровный нос и вытянутый лоб, спрятанный под растрепанной челкой. Видно, обычно он зачесывает её набок, но сегодня пряди непослушно свисают к глазам. Они, кстати, полны безразличия; карие, на солнце как темная нуга. Благодаря своему колючему взгляду, не без высокомерия, он кажется полным придурком. Смотришь в них и чувствуешь пробегающие по спине мурашки. И его эти четкие острые скулы, весьма ему подходящие. Это же никто иной, как Билл Хофер – сын нашего мэра, настоящий разгильдяй и засранец. Вопрос в том, что сын политика забыл в лесу?

Наконец Хофер подал признаки жизни, шмыгнув покрас-

невшим кончиком носа, словно давая понять, что он собирается говорить.

– Ты ещё кто такая? – как и ожидалось, грубо спросил Билл, подпитывая мою неприязнь к его личности.

До меня поздно дошло, что я до сих пор на корточках перед ним, потому, не желая позволять ему чувствовать некое превосходство надо мной, я расправила плечи и поднялась на ноги. Увы, это не помогло – Билл намного выше ростом.

– Я правда должна ответить? Спроси нормально, – выгнув бровь, не растерялась я.

Солнце окончательно вырвалось из плена угрюмых туч и теперь светило со всей мощи, разгоняя тени. Лучи, пробиваясь сквозь густую листву, падали на моё лицо, и красные волосы, подстриженные до острого подбородка, красиво переливались.

Холодный взгляд Билла плавно спустился с моей причёски к рюкзаку, затем к лупе в моей левой руке. Уголок его рта дёрнулся.

– Я слышал о тебе. Психопатка, которая видела оборотня, – Билл обнажил жемчужные зубы в зловещей ухмылке, которую я отныне всем сердцем ненавидела. – Что, ведёшь поиски, маленький следопыт?

Идея ткнуть его носом в найденный след показалась абсурдной, но она все же вскипятила во мне кровь. Импульсивность в сторону. Как будто я услышала из его ядовитых уст что-то новое. Единственное, меня до жути раздражала

его усмешка.

– Браво, ты меня раскусил. А вот ты? Что здесь делает сын мэра? И не говори, что приходишь сюда в костюме, в дорогой обуви, чтобы подышать лесным воздухом?

Билл иронично фыркнул, словно мои слова для него ничто иное, как писк. К тому же, он не удивился, что мне о нем кое-что известно. Самоуверенный тип.

– А это уже не твоё дело, – спрятал руки в карманы штанов Хофер.

– Я же следопыт, а совать нос не в свои дела – моя обязанность, – съязвила я в ответ.

Рост Билла достигал почти шесть футов, он выше меня чуть ли не на полторы головы. Он здоровый, со спортивным телосложением и широкими плечами. Эта разница между нами разрушала мою уверенность, но я держала спину прямо.

– Мне плевать, – отмахнулся парень, сохраняя едкость в интонации.

– Видимо, это наследственное.

На бледном лице Билла чётко выразился злой оскал. Его яростный вид вынудил меня пожалеть о своих словах. С раздутыми ноздрями он выглядел пугающе, а стоило ему сжать челюсть, как я перестала чувствовать почву под ногами. Хофер вмиг сократил между нами дистанцию, остановившись в дюйме от камня, под которым скрывался след.

– Что ты сказала?! – отчетливо слышны стальные нотки в

его глубоким голосом.

– Я сказала, что наплевать относиться ко всему – ваше семейное хобби, так понятнее?

Билл скорчил брезгливую гримасу, будто перед ним нашкодивший котенок.

– Лучше закрой рот. Тебе повезло, что ты неуравновешенная, иначе я бы сровнял тебя с землей, – длинный указательный палец парня больно ткнулся мне в щеку, образовав ямочку. Билл грубо оттолкнул меня, так легко, так сильно и неожиданно, что у меня не было времени возмутиться.

– О, я в этом не сомневаюсь, богатенький придурок, – процедила сквозь зубы я, в отместку толкнув его в грудь, но Билл даже не шелохнулся, продолжая стоять в той же позе, что и был.

Не сводя с меня красноречивого взгляда, где помимо высокомерия сверкала и отвращение, он подозрительно прищурился. Мы жгли друг друга одними глазами, этого достаточно, чтобы понять – ненависть с первой секунды знакомства возможна. И она гораздо запоминающаяся той же любви.

Я накинула рюкзак на спину и в последний раз вонзилась глазами в брюнета, после чего развернулась и помчалась в противоположную сторону от места, где была найдена первая зацепка.

ДВА ГОДА НАЗАД

Я не думала, что идти через лес придётся так долго, ведь обычно это занимало минут десять. И хоть все твердят «в лес ходить небезопасно», меня тянуло сюда, как магнитом.

Солнце пряталось за рощей с каштанами, и тени падали на тропинку, поэтому в этой части леса гораздо прохладней и зябко.

Не верится, сегодня я сбежала из дома. Мой первый побег. Думаю, ребята наконец-то поймут, что я не мыльный пузырь.

Перепрыгнув небольшую яму, я пригнулась, чтобы пройти под ветвями ивы, и была уже совсем близко к кладбищу – в воздухе ясно стоял запах серы. Не знаю почему, но на нашем кладбище этого запаха хоть отбавляй. Тем более кругом росли, как сорняки, мертвые деревья, буквально – никаких листочков, побегов или других намёков на жизнь, одни голые сухие ветки. Говорят, в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году в Салли Хилл даже приезжал режиссёр с командой, чтобы снять какой-то фильм ужасов. Но раз никто ничего о фильме не слышал, значит, прокат провалился. То ли режиссёр плохой, то ли с местом что-то не так. Кто знает?

Спустя шагов двадцать стали заметны первые могильные плиты. Такие грязные, обваленные, а надписи толком не прочесть. Здесь я, не считая похорон бабушки, уже в девятый раз. Мы с друзьями часто сюда сбегает, слушаем музыку и

болтаем о ерунде, за что сторож всякий раз обещает оторвать нам уши. Взрослые не воспринимают нас всерьез, ведь готы, как и другие меньшинства, являются отбросами общества, по крайней мере, в моем городе точно.

На кладбище, как и полагается, тихо, не слышно даже жужжание и стрекотание насекомых, но в то же время я будто ощущала чье-то присутствие. Так, например, всю дорогу складывалось впечатление, будто за мной кто-то наблюдает.

Почва под ногами стала мягче. В двух метрах тележка с цементом и лопатой, а рядом с ней вырытая яма, которая ждёт своего вечного гостя. Как прискорбно.

Спустя, как показалось, вечность ноги привели меня к цели. Рядом с заброшенным склепом, на развалинах, сидели трое – Кейт, Филипп и Брайс.

Симпатичная девушка, у которой, вопреки всем правилам субкультуры, красивые здоровые пшеничные волосы. Она любопытно посматривала на зажигалку в руке низкорослого Брайса с пирсингом в носу. Третий, тощий парень, вертел головой из стороны в сторону, словно поджидая кого-то, и когда он заметил меня, его рот растянулся в улыбке.

– Призрак явилась, – ухмыльнулся он, перебросив ногу на ногу, отчего его кожаные брюки издали неприятный звук. Призрак – мое второе имя, которое я получила из-за своей бледной кожи и талантом внезапного появления. Однажды я напугала Филиппа, а тот, в свою очередь, завизжал как девчонка. С тех пор один его глаз вечно смотрит в мою сторону.

Кейт, или иначе Кобра, оторвалась от металлической зажигалки с черепушкой и поджала покрашенные черной помадой губы.

– Принесла? – кивнула она, и я полезла в карман своих брюк.

Кобра считает себя готом, но даже не думает закрашивать свой натуральный цвет волос в тесный. Среди нас – она белая ворона, только в хорошем смысле слова. Кейт выделялась.

– Разве это так необходимо для обряда? – сомнения не оставляли меня в покое. Я никак не могла избавиться от плохого предчувствия.

Кейт спрыгнула с глыбы вниз, медленным шагом приближаясь ко мне, как крадущаяся кошка. Аромат её сладких духов щекотал нос. Кобра выхватила из моей руки пакетик с белыми таблетками и пристально принялась их рассматривать. Она, не издавая ни единого звука, раздала всем по две таблетки, затем повернулась ко мне, почти с вызовом глядя в глаза. Я в нерешительности поджала губы.

– Призрак? – наконец прервала напряжение Кейт, сверкая зелёными глазами. Ненавижу, когда она так делает. Парни давно проглотили таблетки, ожидая, когда я присоединюсь к ним. Помедлив, я взяла свою порцию и сжала в ладони.

– Чего ждёшь? Глотай, – выкрикнул мне Филипп, заскучав от ожидания.

Три пары глаз вытаращились подобно хищникам на жертву. Если я этого не сделаю, меня начнут презирать собствен-

ные друзья, впрочем друзьями нас не назовёшь. Мы почти не общаемся, только здесь, на кладбище. Однако у меня больше никого нет. Поддавшись их уговорам, я бросила таблетки в рот и с трудом проглотила их, сдерживая рвотный рефлекс.

– Это точно хорошая вещь? – недоверчиво поинтересовался Брайс.

И это их благодарность? Я рисковала собственной шкурой, проникнув в дядину аптеку. Временами у меня действительно складывается ощущение, что эти ребята меня используют.

– Конечно, самое мощное успокоительное! Его даже не всем прописывают, настолько сильное, – в защиту бросила я, скрывая обиду.

В горле горело, слюна скапливалась во рту, и я отвернулась, чтобы проплеваться.

Кейт заняла удобное место и, прикрыв веки, глубоко вздохнула.

– Что ж, – встрепенулся Филипп, – предлагаю закрепить эффект таблетки, – из ниоткуда он достаёт двухлитровую бутылку с какой-то жидкостью. Когда он ловко открыл крышку, все услышали шипение, а к горлышку поднялась белая пенка. Это было пиво.

– Вы не могли дать его раньше? Я бы запила таблетку!

Парни, смеясь, пожали плечами и по очереди сделали большие глотки. Брайс жадно присосался к горлышку, и по его горлу пронеслось несколько струек. Отвратительно.

Кейт, пнув его в ногу, отобрала бутылку, хлебнув пару глотков, вытерла рот рукавом блузки.

На кладбище стало неестественно тихо, так тихо бывает только перед страшной бурей. Птицы замолкли, ветер больше не развивал мои черные пряди. Если раньше от такой тишины я получала удовольствие, то сейчас хотелось бы её прервать всеми возможными и невозможными способами. Я села напротив ребят, под очередное высохшее дерево, и откинула голову назад, чувствуя как приятно потеплело в груди, когда я выпила свою долю пива. Вскоре перед глазами все поплыло, но от чего именно, от успокоительного или алкоголя, я точно не понимала.

– Как ты вообще достал пиво? – спросила я Филиппа, который, сев рядом с Кейт.

– У меня очень крутой и понимающий старший брат.

– Вы оба психи, не прикрывай его, – хихикнув, закурил сигарету Брайс.

– Разве таблетки были нужны не для обряда? – наивно прозвучал вопрос, на который я уже знала ответ.

Ребята разразились смехом.

– Какой ещё к черту обряд?

– Мы надурили тебя, Призрак, – смахнул слезу с глаза Филлип, обняв Кейт за плечо.

Я чувствовала себя дурой.

– Иначе бы ты не рискнула достать таблетки, – в оправдание вставила блондинка, пожав плечами, как бы извиняясь. –

Но спасибо! Благодаря тебе мы здорово чувствуем себя.

– Таблетка сильная, – я со серьезностью посмотрела на всех троих, – в ней содержится наркотическое вещество!

– Вот именно, – усмехнулся Брайс, театрально закатив глаза, и я наконец поняла, чего именно они добивались, – это то, что было нужно.

Короткая пауза, сопровождаемая отрывкой Филиппа, вдруг снова заставила меня чувствовать себя круглой идиоткой. Я обняла свои колени и притянула их к груди.

– Да ладно тебе, расслабься! Разве ты этого не чувствуешь? – продолжил Брайс, медленно расплываясь в глупой улыбке.

– Что именно?

– Легкость.

– Не знаю... Не уверена. Я вообще считаю, что нам не стоило этого делать, – под нос произнесла я, тем самым вызвав всеобщее негодование.

– Черт побери, – буркнула Кейт.

Она никогда не скрывала свое раздражение к моей неуверенности.

– Ты сейчас все портишь своим занудством, Призрак, – твёрдо сказал Филлип, следом добавив уже мягче. – Расслабься. Закрой глаза, почувствуй ветер, забудь обо всем и прислушайся к тишине... Ты невесомое создание, ты бабочка... Ты летишь, летишь...

Следующие фразы доходили до меня отрывисто и приглу-

шенно, ведь, сомкнув глаза, я погрузилась в темноту. И было очень тихо...

* * *

Я очнулась, потому что во сне умерла. Замёрзла. Оказывается, сон мог стать реальностью. Сперва померещилось, что я каким-то образом ослепла, но спустя кое-какое время перед глазами начали появляться знакомые очертания склепа и деревьев.

Ветви прятали небо, которое сейчас казалось глубоким колодцем с чёрным дном – ни звёзд, ни луны, одни сплошные тучи.

Когда весь организм заработал, в висках застучала кровь, как молотком об гвоздь. Это невыносимо больно... Все идёт ходуном, руки и ноги не ощущались. Черт, видимо, я их здорово отлежала. Стоп... Сколько сейчас времени? Где ребята? Почему меня не разбудили?

Только сейчас до меня доходит, что я одна ночью посреди могил. Поддавшись больному воображению, я в панике принялась оглядываться и звать ребят. Мне никто не ответил и, вскочив, я принялась прислушиваться к каждому подозрительному звуку. Вдруг где-то хрустнула веточка, и от этого я звонко вскрикнула. В мыслях пронеслось: «Бежать»!

До сих пор плохо понимая, что происходит, я неслась прочь в темноту, обходя могилы, плохо заметные в сумерках, камни и любые другие препятствия. Сердце бешено колоти-

лось: тук-тук-тук-тук-тук-тук. Это адреналин. Это все страх.

Несмотря на усталость и боль в боку от бега, я не останавливалась, сторонясь любых жутких мыслей, чтобы не усугублять ситуацию.

Но неожиданно снова донесся тот самый хруст, из-за которого началась беготня. Застыв на одном месте, я пыталась перевести дыхание, жадно глотая зябкий воздух. Я согнулась и ждала сама не зная что. Вновь и вновь какой-то шум, доносившиеся за кустами. За ними явно что-то или кто-то есть. Может, это ребята? Они, наверное, специально бросили меня, чтобы напугать и посмеяться над моим страхом. Да, конечно, это Брайс, Кейт и Филипп – три тупицы, ничего не понимающие в розыгрышах. Других вариантов быть не должно.

Я осторожно взгляделась в темноту, пригнувшись подходя к кустам. И то, что я увидела не входило в список лучших открытий.

Челюсть так и осталась открытой, по позвоночнику пробежали мурашки. Первое, на что я обратила внимание – два ярко-жёлтых, словно светящихся, глаза. Они... янтарные, огромные, полные отчаяния и злости. Неестественно узкий зрачок ассоциировался с чёрной дырой, потому что глядя в него, душа уходила в пятки. Я схватилась за рот, вовремя задержав крик ужаса. Чудовище выглядело настолько пугающе, что парализовало конечности. Я притихла, наблюдая за ним: оно стояло на двух задних лапах, ростом по-

чти девять футов, с черной, взъерошенной шерстью, в которой в некоторых местах запутавшиеся комки с грязью. Морда, именно морда, чудовища была волчьим оскалом: вытянутый большой нос, огромная пасть, набитая острыми клыками – поймав добычу, он с лёгкостью раздробит кости. Вздёрнутые треугольные уши весьма чувствительны и ловят каждый шум, раз уж огромный волк сразу почуял чье-то присутствие. Его массивная шея повернулась к кустам, за которыми я пряталась, он усердно внюхивался, угрожающе рыча и пуская вязкие слюни. Ещё немного, и он раскроет местоположение своей жертвы. И кажется, на сегодня его жертва – я.

Сжав рот сильнее, я всхлипнула, чувствуя пробежавшие по щекам слёзы. Неужели монстр сожрал Кейт, Брайса и Филиппа? Испугавшись собственной теории, я потеряла равновесие и шлепнулась на землю, зарывшись пальцами в мокрую траву. Само осознание, что на расстоянии пятнадцати шагов от меня живой монстр из страшилок, не укладывалось в голове, но как объяснить то, что я увидела? То, что я слышу до сих пор? Его тяжелое отрывистое дыхание. То, как он взмахивал когтистыми мохнатыми лапами? Это не сон! А значит я не могу проснуться, поэтому мне нужно бежать.

Какова вероятность того, что оборотень меня догонит? Какова вероятность того, что он не услышит моих шагов и не пустится вдогонку? Какова вероятность выжить здесь, сидя под кустами и наблюдая за здоровенным волком? Именно, вероятности нет, есть только риск.

Осторожно поднявшись с травы, я старательно обдумывала каждый свой шаг, чтобы не издавать громких звуков. Из-за кустов доносился грозный рык. С ним точно что-то было не так. Возможно, он даже учуял меня, но почему-то оттягивал прыжок. Или же прочие запахи оттеснили мой?

Сконцентрированная на побеге, я развернулась спиной к кустам и, перешагивая мокрые листья, опавшие скорее всего из-за недавнего шторма, я отдалилась от волка. И это было моей грубейшей ошибкой...

Чудовище громко зарычало, и прежде чем я осознала произошедшее, оно уже было рядом – от его шагов дрожала земля. Ноги, будто налиты свинцом, не двигались, в горле пересохло. Сейчас я готова согласиться с мамой, что сбегать из дома – худшая из моих идей.

Уже бесполезно бежать – оборотень за моей спиной, дышал в затылок. Его смердящая вонь из пасти резала глаза, и когда я медленно повернулась к нему, встретившись с ночным кошмаром наяву, моё сердце застыло. Вблизи он гораздо больше, чем мне показалось сначала: он навис надо мной, сморщив нос в свирепом оскале, отчего показались его острые клыки. Он поджал уши, бегая янтарными глазами по мне, явно изучая, и на мгновение мне показалось, что в нём есть нечто человеческое.

Впрочем, вряд ли это характерно для того, кому легко прокусить мне шею. Вот и настал мой конец. Честное слово, если выживу сегодня, больше никогда не буду готом!

Над нами загорелись первые звезды. Холодный ветер развивал мои волосы, отчего они прилипали к мокрым от слез щекам.

Внезапно неподалёку раздался голос. Оборотень резко повернул голову в сторону и принялся, а затем, зарывав, вновь вернул внимание на меня. Зрачки его ярко-желтых глаз сузились.

Снова слышались мужские голоса. Они кричали: «Марго, где ты?!», «Марго, отзовись!», «Марго, ау». В душе вспыхнула надежда на спасение, однако что волку стоит прокусить мне шею и убежать прочь в чащу?

Неясно откуда появившаяся смелость заставила меня поднять взгляд прямо на чудовище.

– Значит, это ты убил двенадцать невинных человек?.. – дрогнув голосом, тихо спросила я.

Волк, сузив веки, склонился так, что наши глаза сровнялись. Его действия привели меня в ужас – он вел себя слишком разумно.

Зверь испепелял меня взглядом, которым пытался мне что-то сказать, но я не понимала. Что вообще происходит?..

Между тем бросившиеся на мои поиски люди совсем рядом. Осталось лишь закричать «я здесь» и все, спасение!

Монстр тоже это понимал, поэтому он пристально всматривался в чащу леса, в которой мелькали огни фонарей. Человеческая речь громче и громче, их крики не унимались. Они звали меня.

Рыкнув, волк замахнулся массивной лапой и сильно толкнул меня, отчего, подобно пушечному ядру, я отлетела в сторону и ударилась головой прямо об надгробный памятник. Я застонала от боли, упав на бок и чувствуя как стучит в висках. Удар был мощный, настолько, что меня резко затошнило и конечности стали ватными, так что я не имела сил даже двинуться. Все, на что я способна, рассеянно моргать и в последствии наблюдать, как зверь опустился на четвереньки, угрожающе бросил взор в мою сторону и, фыркнув, скрылся за теми самыми злополучными кустами.

И снова обычная тихая ночь, будто мгновение назад не было здесь никакого оборотня. Но сказки, которые рассказывали нам в детстве, оказались реальностью! Кто бы мог подумать?

– Марго! Отзовись, Марго! – неподалеку донёсся звонкий голос.

Стиснув зубы, я медленно приподнялась, дотронувшись рукой до затылка... что-то тёплое... Это кровь? Кровь! В ушах звенело, а рвотный позыв усиливался. Я тяжело задыхалась, жадно глотая воздух и срываясь на истерику.

– Марго!

– Марго, Господи, мы нашли тебя! – кто-то подбежал и схватил меня за руку, аккуратно помогая устоять на земле.

Из-за головокружения я плохо понимала кто передо мной. Все происходило слишком быстро, суматошно.

– Вы нашли её! – радостно донёсся женский приятный го-

лос. – Бедная девочка, что это с ней?

– Марк, о Боже, у неё идёт кровь! Надо срочно в больницу!

Людей вокруг меня несколько, они светили в меня фонарями, ослепляя слезившиеся глаза, и все что-то спрашивали, трогали меня, очевидно страшно перепугавшись. Знали бы они, что здесь было до их появления.

– Дочка, Марго, слышишь меня? Это я, твоя мама, девочка моя! Что с тобой? Где болит? – мама обняла меня дрожащими руками. – Почему ты сбежала?! Дурочка!

Я, не отходя от шока, открыла рот и крепко схватилась за какого-то человека. Это была ладонь отца. Он все это время что-то без конца говорил.

– Там... там... он... огром-м-н-ный! Он... оно... – запинаясь, я лихорадочно бегала взглядом к одной фигуре ко второй.

– Джерри, что с ней?! – завопила мама.

Папа поднял меня на руки, и вот я над землёй. От резких неуклюжих движений меня укачало только больше.

– Она прилично ударилась головой, – не ходу объяснил папа, ускорив шаг. – Парни, заводите машину!

– Оно там... он... глаза... там волк... огромный волк... оборотень! – я сжала испачканными пальцами папино плечо. – Оборотень! Оборотень! Монстр!

* * *

«Наверное, я в больнице», – рассудила я, когда созна-

ние потихоньку стало возвращаться. Все тело ломит. Голова, словно в неё забили пару десятков гвоздей, нестерпимо пульсировала. Только потом я вспомнила свой неудачный и весьма короткий полет к могильному памятнику. Понемногу пазл минувшей картины стали соединяться: от встречи с друзьями до столкновения с гигантским волком. Дернувшись, я нахмурилась страшным воспоминанием и прислушалась к шумам вокруг меня. Веки слишком тяжело разлепить – я и не пыталась. Хотелось просто лежать и ничего не делать. Судя по запаху, застоявшемуся в помещении и писку аппаратов, я в больнице.

Долго в одиночестве побыть не получилось: дверь открылась, и послышались шаги. Музыкай сиплый голос доносился где-то спереди, по ощущениям у изножья койки. Он общался не со мной.

– Она что-то говорила про монстра... – Я сразу узнала в говорившей маму.

Мне захотелось прижаться к ней, стремясь найти поддержку. Она ведь мама – та, кто всегда придет на помощь.

– Оборотня, если быть точными, – в голосе третьего человека отчётливо слышалось возмущение вперемешку с едва заметным скептицизмом.

Папа явно боялся, что выжил из ума или что ещё хуже – это его дочь спятила.

– Мистер и миссис Ван де Шмидт, как вы думаете, ваша дочь что-то скрывает от вас? – вновь заговорил первый, оче-

видно, доктор.

От его голоса вяли уши. Этот мужчина определенно лечился от вредной привычки, которая издевалась над ним несколько лет.

Почему-то я уверена, что родители прямо сейчас переглянулись. Это свойственно для них.

– К чему такие вопросы, Симпсон? – фыркнул папа.

– Может, у Марго сомнительные увлечения готикой, но это только переходный возраст. Все, будучи подростками, занимались чепухой.

Они даже не подозревали, что я невольный наблюдатель их разговора. Это так странно.

– Да, миссис Ван де Шмидт, но мы с вами слушали «Kiss» и убегали на дискотеки, а сейчас дети интересуется совсем иными вещами...

Кто-то сделал шаг и остановился.

– К чему ты клонишь? – папа задал вопрос так холодно-кровно, что мне аж захотелось подскочить и разнять двух мужчин, пока дело не дошло до драки.

Ему не нравилось намёки доктора Симпсона.

– Марго находилась под сильным расслабляющим средством, Джерри, – вздохнул тот в сочувствии. – Не особо опасное, если принимать по назначению, но в его составе присутствует наркотическое вещество, и злоупотребление приводит к привыканию, поэтому данный препарат редко прописывают пациентам, а в некоторых штатах и вовсе под за-

претом.

– Что?..

– В её крови нашли также алкоголь. Смешивать этот препарат с другими лекарствами, а тем более с алкоголем – крайне опасно. Это может привести к судорогам или даже к коме. Повезло, что дозировка была небольшой. Марго отделалась усиленной эйфорией и головокружением.

Шорох документов, очевидно, в руках Симпсона не на шутку меня беспокоил. В этих бумагах изложено все мое состояние. Возможно, со стороны я выглядела безмятежно, но на самом деле меня разрывало от желания кричать. И как повезло, что я не подключена к кардиографу, иначе все присутствующие уже бы догадались, что я в сознании.

Наступила тишина. Видимо, мама с папой в глубоком потрясении. Ещё бы! О, нет... Похоже, мама заплакала из-за меня! Всхлипы становились громче, а затем глухо: папа обнял её, в попытке успокоить.

– Что ты несёшь? Моя дочь не может быть наркоманкой! – вспыхнул отец, зарывав в ярости.

– Джерри, не нервничай, – поспешил остудить папин пыл доктор.

В разговор двух мужчин вмешалась мать:

– Марго что-то говорила о монстре... Она видела оборотня!

Снова образовалась многозначительная пауза.

– Вы всерьёз верите в оборотней, Мередит? То, что видела

Марго, было вызвано таблеткой, всего-то галлюцинация!

– Но она вся дрожала! И из ее головы, вот здесь... – мама наверняка продемонстрировала тому место удара. – Шла кровь, будто её дубиной ударили! А наши друзья нашли Марго у могилы, на памятнике, на которой остался след её крови...

Она верила мне! Мама мне верила!

– Миссис Ван де Шмидт, вашей дочери могло померещиться все, что угодно. Она сама могла упасть на памятник, она сама могла разбить себе голову. Находясь под сильным расслабляющим средством, Марго могла видеть все! А дрожь объясняется побочным эффектом таблетки, как и, собственно, галлюцинации! Или же, если это не побочный эффект, вы не заметили как на улице прохладно?

Нет! Они не могут списать всё на таблетки! Я видела обратня, и это не галлюцинация, а самая настоящая правда. Как жаль, что я не в состоянии двигаться, иначе бы нашему всезнайке-докторишке несдобровать!

– Значит... – сглотнула мама.

– Да, – перебил её папа, и я почувствовала на себе тяжелые взгляды, – наша дочь малолетняя наркоманка!

ПОРЫВ ОСЕННЕГО ВЕТРА

Когда приходит конец летним каникулам, на душе всегда немного тревожно. Во-первых, потому что вновь посчастливится увидеться с одноклассниками, которые не особо радушно встречали меня на уроках, после произошедшего двумя зимами ранее. Каждый год одно и тоже: кто-то не особо оригинальный нарисует на моем шкафчике волчью морду и подпишет «аууу», еще более примитивный забросает мою парту разгрызенными куриными косточками, а при виде меня каждый второй начнет выть или по-идиотски рычать.

Поначалу, как и любому человеку, мне было страшно, обидно и жутко стыдно – мне никто не верил и были убеждены, что я наркоманка, которой мерещится нечисть. Но мы устроены так, что ко всему приспосабливаемся – это называется адаптация, которая возникает под средством инстинкта выживания. Теперь мне абсолютно нет дела до задир, вроде Урии Хофман. Она не блистала оригинальностью: Урия словно вышла из инкубатора – её выходки по-детски глупые. Однажды она подбросила в мой в шкафчик блошиную ферму.

Я пыталась доказать всему городу свою правоту (и сейчас пытаюсь), но люди или смеялись, или обходили меня стороной, будто больную проказой. Кейт, Филипп и Брайс после злополучной ночи оборвали со мной все отношения, лишь

изредка поглядывая в мою сторону. Они тряслись от страха, что я выдам их, и в Салли Хилл на три малолетних наркомана станет больше. Иной раз хотелось спросить: были ли мы вообще когда-нибудь друзьями? Мерзавцы, я же думала, что их слопал оборотень! Будучи до сих пор готами, мы совсем не пересекались – я раз и навсегда завязала с этой ерундой. Пройденный этап.

– Ты готова? – мама застигла меня врасплох, резко показавшись в дверях.

Её голос звучал энергично, и меня это раздражало – она из кожи вон лезла разрядить обстановку, но именно её старания предавали неловкость. Она всегда сопровождала меня в школу в мой первый учебный день, но после истории с оборотнем, эта традиция стала для меня невыносимой. Прежде мы так делали, потому что это казалось правильным, а сейчас, потому что так маме казалось, что её присутствие избавит меня от насмешек одноклассников. Забавно, но эффект от её порыва ровно обратный – внутри, в стенах школы, разворачивался мой личный ад.

Я выпрямилась, схватила школьный рюкзак и, бросив его на плечо, прошла мимо улыбающейся мамы, оставив после себя шлейф запаха от антиперспиранта.

Когда мы уже сели в машину, я застегнула ремень безопасности и позволила себе коротко взглянуть на неё. Мама выглядела строго в своём брючном костюме с серым пиджаком. Иногда складывалось ощущение, что другой одежды в

её гардеробе не существовало.

– Вот это погодка! – воодушевлено заключила та, не получив согласия с моей стороны.

В салоне пахло миндалем, а на зеркале заднего вида весел брелок слона, который, как принято считать, приносил удачу, во что мама охотно верила. Пока она подкрашивала свои тоненькие губы яркой помадой, я открыла окно и высунула голову. По земле кружились в вихре теплого ветра жухлые листья, в воздухе витал запах мокрого асфальта, по которому с утра прошлась уборочная машина.

– Ну все... – спрятала косметичку мама и попросила меня сесть ровно, заводя ключ зажигания. – Поехали!

Всю дорогу до школы мы не обмолвились ни словом. Если в прошлом мама включала радио, то сегодня даже чужой голос не мог отвлечь нас от гнетущих мыслей. Она наверняка думала о том, как сегодня мне придётся несладко, и она точно желала уберечь меня от этого ада.

А я, в свою очередь, размышляла о находке в лесу. Прошло столько времени, и оборотень снова объявился. Это должно что-то значить.

Ладонь мамы, ласкающая мою макушку, резко вернула меня в реальность, и я резко отодвинула голову в сторону. От этого она виновато дернула ртом.

– Извини. Я просто хотела тебя подбодрить, – в оправдании улыбнулась мама, не отвлекаясь от дороги.

Я облокотилась головой на приспущенное окно, и ветра,

проникавший в салон, принялся играть с моими красными пряжами, путая их между собой. В это мгновение мне захотелось расщепиться на атомы, лишь бы не возвращаться в тот ад.

– Не надо меня подбадривать! Я еду в школу, а не на тот свет, – буркнула я, провожая рассеянным взглядом мелькающие магазинчики.

Мимо проносились пожелтевшие деревья, дома и уже открытые мини-маркеты. Город только-только начал оживать; на тротуарах все больше детей и подростков, снова заработали школьные автобусы. Один из них проехал мимо нас, и я обрадовалась, что не нахожусь внутри него.

– Марго, я хочу тебе помочь, – заверила мама, тверже цепляясь за кожаный руль.

От её слов мне стало смешно.

– Ты говоришь со мной так, будто я твой очередной клиент, а не дочь, – повернулась я к ней, пристально рассматривая её точенный профиль матери.

Да, она часто пыталась поговорить со мной в своём унылом кабинете. Боже, повезло же мне родиться в семье, где мать психолог, а отец инженер. Чудо семейка.

– Извини, – повторилась она, занервничав ещё больше. – Просто я знаю как к тебе относятся друзья, и мне обидно за тебя.

И снова смешок.

– Друзья? Кто сказал, что у меня они есть?

Машина медленно остановилась. На светофоре загорелся красный свет, что позволило маме ненадолго отвлечься от вождения.

– Послушай, солнышко, в том, через что ты сейчас проходишь, нет виноватых, кроме тебя самой.

О Боже, она опять за старое! Она испытывала на мне свои приемы, которые я называю манипуляцией.

– Прекрати копать в моей голове! Это не моя, а ваша с папой вина, ведь это вы мне не поверили! – вспыхнула я, громко рявкнув, привлекая внимание людей в машине слева. – Я говорю всем правду! Там, в лесу, был оборотень! Но вам же легче поверить в то, что я наркоманка!

– Марго, не кричи!..

Останавливать меня сейчас было бесполезно. Я как ядерная ракета – запустив, уже нельзя вернуть обратно. Лучше всего бежать и прятаться.

– Он был огромный, с большими клыками и когтями, с желтыми глазами, а из его пасти исходило зловоние! Он реален, и он где-то там!

– Я сказала, замолчи! – в ярости осекла мама, стукнув рукой по рулю.

От неожиданности я вздрогнула, потеряв дар речи. Ослепнув от вспышки гнева, я даже не заметила, что позади сигнализировали десятки машин, а светофор пестрил зелёным. Ну вот, конечно! Снова виновата я!

Не зная чем защитить себя, я лишь взъерошила волосы и

отсела ближе к двери, опустив голову на окно. Это какой-то долгий кошмарный сон. Я прикрыла веки, в попытке исчезнуть, но, как и всегда, ничего не получилось. Пусть все катится к черту.

Мы подъехали к кирпичному зданию, фасад которого был окрашен в белый, а на газоне, у главного входа, стоял щит «Старшая школа Салли Хилл». Рядом с ним же развивались три флага – американский, флаг штата и школы.

Я быстро расстегнула ремень безопасности, хмуро поглядев на толпу школьников и цепочку машин. Выйдя из салона, я заметила краем глаза копошение за спиной и устало оглянулась на маму.

– Я не хочу, чтобы ты выходила, – бесстрастно сказала я, надев рюкзак на спину.

– Почему?

Ой, как будто ей неизвестна причина.

– Потому что ты только привлекаешь ко мне внимание посторонних. Пока, – прежде, чем я захлопнула дверь, мама шепнула «я люблю тебя», но ничего не ответив на это, я поспешила в школу.

* * *

На урок анатомии мне пришлось специально опоздать. И дело не в том, что было не охото учиться, просто лучше войти в класс, когда в кабинете присутствует взрослый человек. Как и ожидалось, на моем шкафчике что-то да и наца-

рапали, только на сей раз это был не волк, а «повой на луну, детка». Очень остроумно. Прошло два года, неужели об этом никогда не забудут? Почему люди помнят только чужие ошибки?

Легонько постучав по бежевой двери со шторкой, я дёрнула за ручку и оказалась в кабинете, где мистер Берри объяснял новую тему на следующий урок. Мне удалось подоспеть как раз к тому моменту, когда мужчина с приличной шевелюрой на голове и отменными бакенбардами демонстрировал какой-то пример на яблоке. Однако стоило мне появиться, как о нем забывают.

– О, мисс Ван де Шмидт, я уже не надеялся вас застать на своём уроке, – с неподдельной радостью отозвался учитель, убирая яблоко на стол.

Да, этот человек единственный, кто делал вид, будто ничего не случилось. Спасибо ему за это.

– Простите... – не успев закончить реплику, меня поспешно перебил все тот же спокойный ровный голос Берри:

– Причина твоего опоздания, Марго? – он почесал похожий на клюв вороны нос и повернулся ко мне, сложив руки на торсе.

За меня ответил одноклассник – Дерек:

– Марго опоздала, потому что выгуливала своего оборотня в лесу, – на его дурацкую шутку все засмеялись, и послышался коллективный вой.

Я сжала кулаки и едва сдержалась не закатить глаза. Боже,

если бы в тот вечер был кто-нибудь рядом, мне бы не пришлось терпеть насмешки!

Мистер Берри громко кашлянул, отчего ученики не сразу, но затихли.

– Дерек, думаю, ты напомнимь всему классу, как происходит расщепление белков, марш к доске! – твердо велел учитель, а затем уставился на меня чуть мягче. Я заметила в его взгляде жалость.

– Присаживайся, Марго, в честь первого учебного дня наказания не будет, но это единичный случай, ясно? Я не потерплю прогулов своих занятий!

Убедительно кивнув и заодно пообещав, что такого больше не повторится, я пошла сквозь ряды и уселась за крайнюю парту возле окна, которая второй год подряд считалось моим местом: здесь не видно шпаргалок, можно спать на уроках, чего мистер Берри не заметит, благодаря массивным плечам девушки сидящей впереди. Бонусом ко всему прочему чудесный вид на опадающую листву. Одно время года сменяется другим. Это так удивительно! Но в этот раз мой интерес привлекли ни сколько листья клена, сколько стоявшая у заднего входа чёрная машина с флажками – кто-то влиятельный решил посетить нашу школу. Возможно, наконец отремонтируют женскую раздевалку, и третья душевая кабинка заработает. Было бы замечательно не ждать по полчаса пока она освободится.

Спустя уроки английского языка и истории, наступил мо-

мент, которого обычные ученики ждут с нетерпением, я же всячески его избегала. Когда-то давно все было спокойно, каждый занимался своими делами. Кафетерий – официально опасная зона. В прошлом году, перед весенними каникулами, меня забросали сырным соусом, в другой раз меня облили прокисшим молоком, а сейчас... Не хотелось проверять. Бывало приходилось обедать во дворе, на скамье у фонтана, или на трибунах, в спортзале. Но это раньше, впредь я бросаю вызов всем уродам и стервам, травившим меня! Отныне никакого молчания.

С этой напускной уверенностью я заглянула в просторное помещение, битком набитое старшеклассниками. Кто-то сразу заметил меня, шепчась и хихикая, но их интерес продлился недолго – в следующую секунду ребята снова болтали о погоде, о новых трендах или о другой любой ерунде. Бледно-голубые стены обвешаны плакатами и желто-чёрными лентами – цвет формы нашей баскетбольной команды, а сквозь ряды проходил человек, одетый в костюм сокола в баскетбольной форме – наш символ.

Глазами отыскав свободный столик где-то в конце зала, я быстро пробралась сквозь толкучку и, неуклюже плюхнувшись на стул, перевела дыхание. Странно, обычно мне так не везёт. В кафетерии стоял ужасный гул и запах бекона, от которого меня воротило. Не доверяя школьной столовой и чтобы не тратить время в очередях, я приношу еду с собой. Мама положила мне сэндвич с ветчиной, апельсиновый сок

и... морковные котлеты? Фу, ну и гадость.

Задев стул, куда я положила рюкзак, мимо прошли чирлидерши, с чувством обсуждая какие-то новости, которые я слышала краем уха.

– ...Да, и говорят, что он будет учиться в нашей школе! – завопила блондинка с противным писклявым голосом.

Она села на соседний стол, где уместились вся команда. Её подруга перекинула ногу на ногу и открыла упаковку крекеров, воскликнула:

– Об этом неизвестно, но их машину у главного входа заметили все.

– Вот так новости! Этот год обещает быть насыщенным, – на одном дыхании выпалила третья, а затем двери в кафетерий с шумом отварились, и некоторые притихли, застав перед собой парня с каштановыми волосами, резкими чертами лица. Народ обернулся на грохот, тем временем как остальная часть, более голодная, боролась за еду. Я относилась к первой категории – какого черта?..

Парень в белой рубашке, классических брюках брезгливо схватился за оранжевый поднос, куда складывали еду и, не соблюдая порядок очереди, нагло протолкнулся к холодным блюдам и десертам. Удивительно, но никто не пытался поставить его на место, потому что были слишком удивлены. Если мгновение назад в зале стоял ужасный гул, то теперь было слышно муху жужжащую у потолка.

Я быстро отвернулась, пребывая в таком же шокирован-

ном состоянии, что и остальные. Глядя на свой сэндвич в руке, я судорожно пыталась понять, что он здесь забыл.

Тот, что собрал на себе кучу взглядов, уверенно проходил мимо полных столиков и, секунду поколебавшись, вдруг направился ко мне. Ко мне!

— Нет, нет, свали в туман, — молясь под нос, я сжала сэндвич так сильно, что помидор вывалился наружу.

Высокий брюнет со скрежетом улыбнулось свободный стул, опустил поднос на стол, а сам сел напротив, важно подворачивая рукава итальянского пиджака с теми самыми инициалами «В. Н».

В такие моменты необходимо иметь при себе справочник, в котором говорится, как вести себя, но, к глубочайшему сожалению, у меня его не было.

Я надменно посмотрела на него. Глянцевые волосы уложены набок, но его челка все равно лезла в глаза, под стильным синим пиджаком белая рубашка с золотистыми пуговицами, затем черёд классических брюк и тех самых ботинок, которые я видела в лесу. Он словно на бал собрался... Интересно, богатенькие сынки всегда выглядят как модели из журналов или только по особым случаям? Да какая, собственно, разница?

Билл, как ни в чем не бывало, откусил свой бутерброд с сыром и отпил глоток содовой, не обращая на меня никакого внимания.

И что, этот засранец собирается играть в «мы не встреча-

лись в лесу, я тебя не знаю, сиди смирно»?

– Раз ты сел за мой столик, позволь спросить, что ты здесь делаешь? – горячо поинтересовалась я, собрав локти на груди.

Билл Хофер не торопился объясняться. Он дожевывал бутерброд, кончиком языка проводя по полости щёк, вытянул палец, жестом прося подождать минутку. Это издёвка? Я перевела дыхание и лишь сейчас поняла, что все смотрели в нашу сторону. Готова поспорить, никто не ожидал такого поворота событий, включая меня самой.

Наконец, Билл проглотил образовавшуюся во рту кашу и удосужился взглянуть на меня.

– Теперь я здесь учусь, – глотнул содовой брюнет.

Удар под вздох. Опешив, я неловко засмеялась, но смех был в большей степени истерический.

– То есть, как? – отказывалась верить в происходящее я.

– Разделяю твоё удивление – я тоже не в восторге, – хмыкнул Билл, пожав широкими плечами, – но в интернате, где я учился, ремонт, поэтому прошу любить и жаловать. Теперь я здесь.

Я открыла и тут же закрыла рот, не зная как реагировать на подобное заявление. Молчание, которое прерывал вновь нарастающий галдеж, затянулось. Похоже, больше никого не удивляло появление сына мэра в столовой, что не могло не радовать, ведь на любопытные взгляды у меня уже аллергия.

– Ох, да ты на седьмом небе от счастья! – съязвила я, от-

кинувшись на спинку стула. – Это все мило, но что ты делаешь за моим столом?

Брюнет театрально принялся что-то рассматривать под столом.

– Что ты творишь?

– Что-то я нигде не вижу твоего имени, волчонок, так с какого боку это место твое?

Его грубости нет предела – я крепко стиснула зубы. За сегодняшний день я достаточно натерпелась шуток и унижения, с меня довольно! Привстав, я медленно приблизилась к парню, подавляя внезапное желание расцарапать его самодовольную рожу.

– Никогда больше не называй меня так, если жизнь дорога!

– Вау, она мне угрожает, – просиял в насмешливой, но обонятельной улыбке Билл, не воспринимая мои слова всерьез. – И что ты мне сделаешь?

– Твоя самоуверенность только подстегивает вправить тебе мозги.

– Не беспокойся, они на своем месте, – заверил тот, а я не растерялась:

– То есть, на мусорке?

Хофер закатил глаза.

– Возможно. Рядом с твоими. Остынь, мне сейчас не хочется с кем-то спорить. Это же мой первый день в школе, – он оперся локтем на спинку стула. – Как тебя зовут?

Ой, посмотрите, ему вдруг стало интересно мое имя, как мило! Вот только зачем? Семью мэра и его самого я недолюбливала по очевидным причинам. Меня не оставляет в покое мысль, что мэр Хофер что-то скрывает. Двенадцать жертв за сорок лет, убитые одним и тем же способом, – разве не странно? Власти должны были заняться этим, решить проблемы, отыскать преступника, однако... Полиция вела расследование и, якобы, виновника отыскивали – громадного волка. Но я-то знаю, что волк просто удобная отговорка. Жаль, что люди верят только в свою правду, отказываясь взглянуть на истину.

– С чего вдруг ты мной заинтересовался? – недоверчиво кивнула я.

Билл рассмеялся.

– Может, я влюбился.

– Катись к чертям.

– Не сегодня, – отмахнулся Билл и наклонился ближе.

Я не сводила с него хмурого взгляда.

Билл устало вздохнул, будто битый час объяснял глупому школьнику правило вычитания и умножения.

– Ладно. Что, если я скажу, что хочу помочь тебе отыскать убийцу? – вкрадчиво произнес Хофер, наладив со мной зрительный контакт.

Похлопав ресницами, я пару секунд глупо уставилась на него, пока в конце концов не разразилась хохотом, который в свою очередь заставил многих оглянуться.

Моя реакция огорошила Билла, однако не оттолкнула: он терпеливо ждал когда я успокоюсь, барабанил пальцами по поверхности стола. Но мне сложно вернуть самообладание... С одной стороны, трудно поверить в искренность Хофера, но мне бы хотелось в них верить, заручиться поддержкой, ведь быть одной против всех – тяжело. Но с другой стороны забавно, что разговор плавно перешел на запрещённую тему. Это значит, Билл уже думал об этом и он целенаправленно сел со мной.

– Очень смешная шутка. Долго над ней думал? – закатив глаза, я убрала сэндвич в контейнер и собиралась уйти, как неожиданно крепкая хватка Билла меня остановила.

– Я говорю предельно серьёзно, Марго, – подытожил Хофер.

Широко распахнув веки, я отняла свою кисть.

– Откуда ты знаешь мое имя?!

Брюнет кивнул на мой контейнер с едой. Я повернула фиолетовый чемоданчик к себе задней стороной. Теперь ясно... Видимо, мама постаралась. Рядом с замочком чёрным маркером аккуратно написано «Марго».

Воспользовавшись моментом, Билл не унимался:

– Вместе мы сможем найти его. С твоими знаниями и моим... положением это будет легко! – парень с надеждой в глазах заглянул в мои. – Для меня это очень важно.

Если бы я не знала, кто передо мной, то растаяла бы на месте, но это Билл Хофер – самое непостоянное существо на

свете. О нем все хорошо слышаны. Связываться с ним – сделать плохо себе.

– Нет, – уверенно отрезала я.

Ответ сбил его с толку.

– Что значит «нет»?

Я потянулась за рюкзаком и спрятала в него контейнер.

– Видимо, тебе никогда ни в чем не отказывали, – заключила я со смешком, застегнув змейку портфеля. – Нет – значит, я не стану искать с тобой убийцу. Я работаю одна.

Прозвенел звонок, и школьники лениво расходились, подобно муравьям, по классам.

Развернувшись к тому спиной, я поспешила прочь из столовой, но Билл схватил меня за плечо. Мне пришлось в очередной раз оглянуться.

– Я готов поверить в твою теорию! – выпалил на одном дыхании Билл, осознавая, что других рычагов давления у него нет.

Как же ему важно найти убийцу, если он готов ради этого поверить в то, чего по его мнению нет... Какой молодец!..

– Мне не нужно твое одолжение, – оттолкнула его я, тот попятился назад.

– Это не одолжение. Если ты докажешь мне, что оборотень существует, то я поверю. А заручившись моим доверием и поддержкой, ты сможешь доказать всем свою правоту. Так что? Разве это не выгодное для тебя предложение?

Как бы я не пыталась держаться, но предложение бо-

гатенького сыночка уж слишком соблазнительно. А ведь вправду: возможно, вдвоем нам под силу найти монстра, раз-
узнать об убийствах и поставить точку в этом кошмаре. Но
что могут сделать обычные подростки? Разве что стать за-
куской для оборотня.

Задумчиво жуя губу, я подняла взгляд на Хофера. Я его
не знаю, можно ли ему доверять? Что, если это очередная
насмешка, и где-то в помещении спрятана камера? Доверять
человеку, значит быть в нем уверенным на все сто. Следо-
вательно, Билл Хофер для меня ещё одна загадка, которую
невозможно разгадать, как странности в Бермудском тре-
угольнике. Он не похож на надежного человека.

– Нет.

Парень казался таким спокойным, но одновременно нерв-
ным и неукротимым, как дикий жеребец в узде. Он сглотнул,
при этом ни одна мышца на его лице не дрогнула и поглядел
на меня сверху-вниз.

– Ладно. Ты ещё передумаешь, – затем, близко наклонив-
шись к моему левому уху, холодным шепотом добавил: –
Кстати, сел я с тобой за один стол только лишь потому, что
вон те парни, с идиотскими банданами на голове, хотели об-
лить тебя краской. Не более.

Я почувствовала как сердце в груди сжалось, как кровь пе-
рестала поступать в голову, как ужасно она заболела. Нет ни-
чего отвратительней, чем показаться слабой перед тем, кто
не должен был тебя такой видеть. Это унижительно.

С той самой непринуждённой физиономией, какой Билл сюда вошёл, он и покинул помещение, оставив меня на растерзание мыслям и чувствам долга. Как можно, ничего не предпринимая, ввязаться в черт знает что?!

Я тихонько выругалась и бросилась к выходу.

* * *

Окончание пятого урока я ждала с нетерпением. Пока все записывали домашнее задание, а миссис Джуд объясняла тему параграфа, я каждые три минуты проверяла экран мобильного, в надежде застать нужное время, но цифры как будто назло застыли.

Сама того не замечая, я барабанила пальцами по парте, от нетерпения царапая зубами губы. Чтобы хоть чем-то себя отвлечь, я поглядела на висевшую на стенке карту нашего штата. Весь Массачусетс растянулся на небольшом стенде. Я пристально вглядывалась в населенные пункты, раскрашенные в яркие цвета прежде, чем откинулась на спинку стула, где был плохо нарисованный волк, и глубоко вздохнула от разочарования.

– Мисс Шмидт, не волнуйтесь, планета в безопасности, у нас же есть НАСА, – с иронией подметила учительница, обратившись ко мне так, как мне не нравится.

Она вытерла полотенцем руки, испачканные мелом и с надменностью уставилась в мою сторону. Её привычка сокращать мою фамилию вовсе неслучайна: миссис Джуд ка-

жется, что для подростка слишком формально проговаривать фамилию целиком. Видимо, ей в голову не приходила мысль, что её высокомерие оскорбительно.

– Что, простите?.. – расправила я плечи, в недоумении нахмурившись, когда одноклассники хихикали надо мной.

– Вы каждую секунду смотрите в мобильник, ожидая, вероятно, звонка, потому что у вас важная миссия – спасти планету от гигантского астероида, – выразительно щебетала Джуд, склонив голову набок, отчего её белокурая чёлка упала на глаза.

И снова раздался противный смех. Насколько мне известно, задача учителя преподавать, а не устраивать смешные представления, – чего географичка выпендривается?!

Потушив огонь в груди, я перевела дыхание, пытаюсь успокоиться. К счастью для всех, раздался звонок, и ученик мгновенно позабыли о неуместной шутке Джуд, растворяясь в коридорах, спеша обсудить планы на вечер.

Схватившись за рюкзак, я бросила мобильник в карман джинсовых брюк и протиснулась мимо пустых парт, стараясь не пересекаться взглядом с преподавателем.

– Шмидт, – бросила она мне в спину, и я нехотя обернулась, – завтра начну опрос с тебя. Будь добра, подготовься.

Превосходно, значит, завтра будет завал и первая двойка за этот год.

Кивнув, я вышла из класса и, пережив толкучку, бегом добралась до нужного крыла. Слова Хофера костью стали по-

перек горла, не давая возможности сконцентрироваться на чем-либо другом. Последние два года мама только и делала, что твердила «ты нуждаешься в друге», «тебе нужен товарищ», «о, малышка моя, ты скучаешь по друзьям». И, если то, что я сейчас намеревалась сделать, спровоцировано тягой к дружбе, пусть мне отрежут язык. Дружба – синоним непостоянству, это временное явление, пока человек не найдёт кого-то лучше вас.

От большого скопления людей в коридоре нависла тень, словно наступила глубокая ночь. Но помимо этого стояла невыносимая духота, а запахи со столовой и «ароматы» потных баскетболистов кружили голову. Поэтому с бурчанием «пропустите», я вырвалась вперёд, где движения поменьше, а затем поворот.

Кто-то, оперевшись плечом об дверце шкафчика, смеясь, болтал с друзьями; другие без энтузиазма доставали учебники для следующих уроков и с усталостью, похожие на зомби, ковыляли дальше.

Проскользнув мимо команды шахматного клуба, я, поправляя взъерошенные волосы, замедлила шаг, а затем вовсе остановилась.

Вот он, прямо по курсу.

Удивительно! Сделать это – значит, навсегда изменить все.

Хофер стоял ко мне лицом, безмятежно вытаскивая учебник по английскому и параллельно мило болтая с какой-то

девушкой. Когда я подошла ближе и почувствовала дрожь в коленках от того, что понятия не имела с чего начать разговор, я наконец поняла, кто находился рядом с Биллом. Так вот откуда я знала эту задницу – в женской раздевалке она часто демонстрировала всем своё кружевное белье, хвастаясь, что мать привезла ей в подарок из Парижа. Заметив меня, Билл и девушка обернулись. Передо мной никто иная, как Урия Хофман (или Фурия, как я её называю) – та самая стерва, подкинувшая в шкафчик блошиную ферму. Между нами взаимная неприязнь, поэтому воздух вдруг наэлектризовался, и молнии сверкнули в наших глазах. Её самодовольная ухмылка жутко раздражала: выражение лица Урии прямо кричало «что тебе надо?», но отвечать на него никто не собирался – ни я, ни Билл.

– Марго... какая приятная встреча! Привет, давно не виделись, – с фальшивой вежливостью пропела она, улыбнувшись так, что глаза её превратились в щёлочки.

– Не могу ответить взаимностью, Фурия, – съехидничала я и повернула голову к Биллу. – Надо поговорить.

Точно не сказать, что именно задело девушку: то, что я назвала её Фурией или то, что я заговорила с самим Биллом Хофером – крутым, по мнению толпы, парнем и с милой мордашкой. В любом случае, Урия испепеляла меня невидимым лазером. Уставившись на Билла, который с интересом наблюдал за нашими любезностями, Фурия тепло ему улыбнулась и подмигнула.

– Увидимся вечером, – она в последний раз обожгла меня своим взглядом и пропала из виду, оставив после себя ужасно резкий шлейф парфюма.

Мы остались с Биллом одни в коридоре – прозвенел звонок, и ученики разбежались по классам.

– Значит, у тебя сегодня свидание с местной Фурией? Какое счастье, – с сарказмом усмехнулась я и встала на то место, где минутой ранее была Хофман.

Билл с шумом захлопнул дверцу шкафчика.

– А ты не завидуй, это плохо. Вон как волосы покраснели, – дернул он меня за передние пряди, выдавив довольную ухмылку.

– Очень смешно, – буркнула я, – вообще-то мне надо тебе сказать...

Но Билл не позволил договорить, продолжив вместо меня:

– Ты передумала, как неожиданно! – театрально удивился тот.

Мимо нас пробежал ученик, явно опаздывающий на урок, и я вспомнила о литературе.

Набрав в лёгкие побольше воздуха, я встрепенулась:

– ...Сегодня после занятий мы пойдем в лес.

Билл удивлённо приподнял бровь, скрестив руки на груди.

– Зачем?

– Не волнуйся, убивать не собираюсь, – отшутилась я, хотя иногда, своим поведением, он подбивал меня на эту

мысль.

– Ты себя переоцениваешь, – не обиделся Билл, оценивая, пройдясь по мне взглядом.

Он разглядывал меня, как какой-нибудь товар. Я рассерженно нахмурилась, и, заметив это, брюнет в примирение поднял руки вверх.

– Шутка. И так... Зачем нам нужно в лес?

– Я докажу тебе, что оборотни существуют. Ты сам все увидишь.

Хофер устало вздохнул и скорчил недовольную мину.

– Класс, будем охотиться на несуществующего монстра из мультфильмов, видеоигр и книг, это ли не жизнь!

– То, что ты его не видел, не значит, что оборотня не существует, – твердо произнесла я, краем уха услышав цоканье женских каблуков. – Сегодня в четыре часа у парадного входа, не забудь!

С этими словами я рванула в противоположную сторону от брюнета, торопясь на урок литературы. Не думала я, что человеком, который должен будет мне поверить, станет сын мэра – Билл Хофер. Это похоже на злой рок, но, может, всё это не случайно?

ПРИОБРЕТЕНИЕ

Трава под ногами в некоторых местах пожухла. Из-за палящего солнца, почва сухая, местами потрескавшаяся, поэтому много пыли – стоило ветру показаться, как она разлеталась по воздуху, попадая в глаза. Листья как деревьев, так и кустов скрутились в трубочку, а те, что успели опасть, крошились на мелкие кусочки, когда на них наступали. Ситуацию мог исправить только дождь, однако им ближайшее время и не пахло.

Треск веток под подошвами разбавлял напряженную тишину. Вроде бы нам есть что другу другу сказать, потому что вопросов слишком много, но или из-за неловкости, или от гордости затевать разговор мы не решались. Меня, например, интересовало, почему Билл вдруг захотел мне верить? Интересно же! Он не похож на человека, с которым легко наладить доверительные отношения. Да и вообще, он хам.

Взглянув на него косо и убедившись, что он не отставал, я шла дальше. Его выражение лица весьма забавное, он наверняка сам от себя в шоке: идти в лес в компании странной девочки. Определенно, это подпортит ему имидж.

Я знала, куда его вести, знала, что показать и чем заинтересовать.

– Слушай, – внезапно прервал мои мысли Билл, – какво это, когда тебя все сторонятся и называют больной нар-

команкой?

Да, наши головы забиты совершенно разными вещами. Его бестактность не обижала – я научилась не обращать внимание на слова. Это не легко, но все же возможно.

– Вау, а ты действительно лишен чувства такта, – я мелко обернулась к нему, не замедляя шаг.

Он пожал плечами, словно ему не за что стыдиться.

– Я просто смотрю фактам в лицо. Ты ведь и сама знаешь, что о тебе думают.

– Верно, но думать и знать – это не одно и то же. А ты веришь в мнение толпы?

– Я привык верить своим глазам, – не растерялся он, едко скривив уголок рта.

Это был намёк? Я фыркнула, тряхнув головой, будто не веря, что человек бывает таким заносчивым.

– Ты не ответила, – настаивал Билл на своем, и я еле сдержалась, чтобы не разбить ему нос.

– Вполне так ничего, появляется время, чтобы подумать о том, какими злыми бывают люди.

Согнув торчащую на тропинке ветку, я брезгливо поморщилась, когда к пальцам прилипла смола. Пока я отчаянно вытирала руку платком, парень навис надо мной из спины и хмыкнул в иронии:

– Забавно, мы с тобой как магнит – ты всех отталкиваешь, а я притягиваю.

Самовлюблённый кретин, даже сейчас думал только о се-

бе.

– Вообще-то, дело в полюсах.

– Вообще-то, это просто метафора, – парировал он.

– И вовсе мне не обидно, – посмотрела я на него, убрав платок. Мы пошли дальше. – Если не секрет, почему ты так хочешь раскрыть маску убийцы?

Шаги Билла стали тише. Я быстро оглянулась и заметила переменчивость его настроения. Он казался серьезным, а в глазах блесло нечто удивительное, то, что оказывается ему подвластно – тоска.

– Разве ты не в курсе, следопыт? Мою маму убили, – произнес почти шепотом парень, на что мне нечем было ответить. – Её нашли, как и остальных, рядом с кладбищем с разорванным животом.

Мать Билла – двенадцатая жертва. Ею заканчивалась адская дюжина. Конечно, мне было это известно, но я не думала, что Билл относился ко всему столь серьезно. Я была уверена, что его желание поймать оборотня – очередной способ поглумиться.

– Мне жаль, – сглотнула я в сочувствии, – но ты же знаешь, что до твоей мамы были ещё одиннадцать человек. Этим я хочу сказать, что все смерти не случайны и чем-то связаны между собой...

Парень, наконец, поднял глаза вверх.

– Хочешь сказать, что их убили намеренно?

– Посуди сам: двенадцать убийств одним и тем же спосо-

бом – потрошением, и в одном месте – на кладбище. Все говорят, что это волк-людоед, но я знаю, что убийца человек, то есть, почти человек... оборотень.

Брюнет задумался, зажмурил глаза. Да, ему очень тяжело слушать о том, что его мать убита оборотнем, да и в целом мои слова звучали как бред.

– Ты не веришь мне, но я докажу, – твердо кивнула я, – давай поторопимся.

Ничего не говоря, мы продолжили наш путь в полном молчании. Каждый занят своими мыслям. Я все так же шла впереди и не видела выражение лица Хофера, чтобы точно сказать, как он себя чувствовал. Иногда казалось, словно Билл возьмёт и передумает, окончательно для себя решив, что я сумасшедшая.

Вскоре, после нескольких поворотов, мы добрались до пункта назначения. Та же поляна, кусты можжевельника и сосны. На этот раз в воздухе висел запах хвои.

Билл собрал брови у переносицы, осматриваясь вокруг и прислушиваясь к каждому шороху. Из-за лучей солнца его инициалы на тонком пиджаке заблестели подобно драгоценностям.

– У меня дежавю, или мы и вправду здесь уже были? – облизал сухие губы Хофер, поравнявшись со мной.

Так и знала, он помнил.

– Мы здесь впервые встретились. И здесь я нашла то, что поможет мне тебя убедить, – больше не проронив ни слова,

я села на корточки и передвинула булыжник, под которым таилась зацепка, в сторону. Огромный след монстра остался нетронутым, однако был уже не таким четким и глубоким, как прежде; некоторые следы когтей и вовсе разгладились.

Билл неожиданно подкрался сзади и, нагнувшись вперед, удивлённо вскинул брови.

– Тебя ничего не смущает? – решила подытожить я.

Брюнет вглядывался в след усерднее. Он, как человек не понимающий в искусстве, пытается понять идею художника.

– Нечеткий след человеческой стопы?.. Эм, что это? – он перевёл на меня растерянный взгляд.

– Это и есть след оборотня. В тот день, когда мы столкнулись, я нашла его, дома у меня есть снимки хорошего качества. Размер этой стопы почти шестьдесят сантиметров. А когти... – я резким движением указала на размытые линии и ямки, – восемь.

– Стоп! Что это? Объясни мне.

Переводя дыхание, я выпрямилась. Неужели, он верил мне?..

– Я могла бы сказать, что это след снежного человека или чупакабры, но это не так. Это точно принадлежит ему.

Хофер перевёл взгляд с меня на получеловеческий след и попятился назад, схватившись за голову. Осознание тяжелым грузом легло на его плечи, он шокирован.

Телефон в моем кармане завибрировал, и я быстро отключила его, проигнорировав маму.

– Допустим, я поверил тебе, допустим... – привлёк мое внимание Билл, выставив перед собой руки. – И что мы будем с этим делать? Пойдём в полицию? Напишем СМИ? ФБР?

Я засмеялась.

– Да, и ты заработаешь репутацию психа, собственно, автоматически став членом моего клуба.

Но Биллу не до шуток: он всерьёз напуган, прямо как я в ту самую ночь на кладбище.

– Это невозможно... – качнул головой он. – Обратной не бывает... Всему должно быть научное объяснение.

– Хорошо, профессор, твои предположения? Радиоактивный волк-мутант, сбежавший из секретной базы?

– По крайней мере, это звучит реалистичнее оборотня, – жестикулируя, пробурчал Хофер.

– Я видела его, Билл, – помрачнев, я сократила между нами дистанцию. Меня бесил его скептицизм. – И это был не волк-мутант!

Парень, выдерживая мой пронизательный взгляд, промолчал. Мы пару мгновений просто глядели друг на друга, пока, в конце концов, Билл не вздохнул. Его внутренняя борьба подошла к концу.

– Слушай, мы должны поймать эту тварь! Поймать и убить.

– Да, хорошая идея, но ты сейчас находишься под потрясением, попробуй успокоиться. Для начала надо понять, в

какие дни он охотится, где спит и когда превращается в человека или наоборот. Слишком рано выходить на охоту. Мы безоружны.

Голова Хофера медленно покачалась.

– Как ты живешь с этой правдой?

– Два месяца не могла спать без ночника, – отшутилась я и тут же добавила: – Ты привыкнешь. А сейчас пойдем ко мне домой? Я покажу тебе фотографии, журнал с подробностями о смерти дюжины и книги про оборотней. Может, сможем раскопать что-то полезное?

Билл слегка улыбнулся и почесал затылок.

– Я бы с радостью, но до завтра это может подождать? В-первых, мне нужно время, чтобы привыкнуть к тому, что я услышал. Черт... У меня встреча с Урией, – подмигнул Билл, и я закатила глаза.

– На эту девчонку у меня рвотный рефлекс...

– Она красивая, – заступился Хофер.

– Да, это так, чего нельзя сказать о её характере.

Мы возвращались назад по тропинке, по которой вышли на поляну. Подул тёплый ветер, и мои волосы растрепались, сверкая рубином на солнечном свете. Билл больше не казался высокомерным, хотя его скептицизм оставался на месте. Но главное, он мне верил, а это уже полдела.

НОВОЕ – ЗНАЧИТ, СТРАННОЕ

На следующий день для всех жителей Салли Хилл у погоды был сюрприз – хоть и ничего не предвещало беды, откуда не возьмись сгустились пугающе черные, увесистые на вид тучи, готовые обрушиться на любого с сокрушающим ударом дождевых капель. Ветер остервенело срывал листья с деревьев, гонял их по кругу, словно вымещая злость, разбрасывал повсюду мусор и тревожил провода на столбах, касавшихся из стороны в сторону подобно лодке в штормовом море. Флюгер сумасшедше вертелся вокруг своей оси и только иногда, вместе с ветрами, менял свое направление. Было что-то многозначачщее в сегодняшней непогоде. На самом деле, жизнь подбрасывает много судьбоносных знаков, но люди не умеют их разбирать.

После общего урока истории, мы с Биллом торопливо рванули к выходу, обмениваясь новостями, которые, как нам кажется, должны обсуждаться. Наконец-то все привыкли к мысли, что сын мэра учится в одном учреждении, что и мы, и никто больше не предавал нашему дуэту особого внимания. Конечно, многие до сих пор негодовали как кто-то вроде Билла может водить дружбу с девушкой дурной репутацией. Наша с Хофером слава противоположная, что только доказывает насколько мы друг другу, по мнению той же Урии, несовместимы. Но ничто так не сближает людей, как общая

тайна.

Мы вышли во двор и, столкнувшись с холодными порывами ветра, замедлили шаг, не в силах препятствовать им.

– Как тебе новенький? – внезапно прорезал голос Билл, засунув свободную руку в карман своих классических брюк. Второй он крепко ухватился лямку рюкзака с парой тройкой книг.

Пока другие побыстрее пытались спрятаться от бури, забивая автобусы или прыгая в подъехавшие родительские машины, а кому повезло меньше всего, садились велосипеды и уезжали прочь, мы, будто нам все нипочем, оставались хладнокровными.

Новенький парень, о котором говорил Билл, насколько мне известно, переехал в Салли Хилл из Бостона, и имя ему – Генри Ридл. Покинуть большой город ради глуши?.. Это высшая степень мазохизма, но, возможно, на то есть причины? Генри

ходит со мной на английский и испанский, а с Биллом на анатомию, и уже многие с восторгом отзывались о его умственном потенциале – его смело можно добавить в список будущих отличников.

– Симпатичный, – пожала плечами я, поправляя запутанные пряди за уши.

Кожа Билла в тени казалось ещё бледнее, чем обычно, а скулы острее, как лезвие клинка.

– Симпатичный? – усмехнулся он. – Это все, на что ты об-

ратила внимание? Кстати, – быстро добавил тот еще с большим энтузиазмом, – что у тебя со вкусом?

Я закатила глаза на его едкость.

– Почему ты вообще о нём заговорил?

– Ну, знаешь... Новенький... И все дела, – жестикулируя, вкрадчиво пояснил Билл, интонацией демонстрируя полное недоверие.

Мы остановились прямо посередине тропинки, загораживая проход, за что и получали «приятные» словечки в спины.

– О Боже! – нервно посмеялась я над чужими намеками. – Он не оборотень. Ему семнадцать, а переехал он в город только вчера. Не сходится.

Я отвернулась в порыве продолжить шаг, однако тяжелая ладонь Билла меня задержала. Наши взгляды встретились.

– Может, оборотни не стареют и живут вечно, откуда мы знаем? И может он вовсе не переехал, а просто вылез из своей норы? Посерьезнев, Билл изогнул бровь, явно не обрадовавшись тому, что не получил поддержку в своей теории.

Когда-то и я вешала подозрения на каждого второго. Хофер пока с трудом понимал новую реальность – реальность, где существуют оборотни, возможно, вампиры и другая нечисть, которая раньше встречалась исключительно в фильмах и страшных историях. Возможно, все, во что мы верим, всего-то обман.

– Ты бредишь. Мы не можем подозревать его только потому, что он новенький в Салли Хилл, – сложив руки на груди,

ответила я.

Парень задумался. Над нами послышался оглушительный грохот, и земля тотчас задрожала – с минуты на минуту должен обрушиться дождь.

– Наверное... Не знаю... Черт, это так странно! Странно, что мы вообще говорим об... оборотнях! – Хофер в отчаянии схватился за голову и тяжело выдохнул. – Не так я представлял себе последний год перед колледжем.

Ничего не ответив, я понимающе кивнула. Добравшись до его машины, мы запрыгнули в салон, где приятно пахло мятой, и наконец тронулись с мертвой точки.

Но бурно обсуждая вчерашнее «не свидание» с Фурией, никто из нас даже не заметил стоявшего под козырьком белобрысого парня, провожавшего нас долгим пристальным взглядом.

* * *

Дождь только-только начинался, когда мы остановились возле моего дома. Тучи плыли по небу слишком низко, а в лесной части и вовсе сгустился туман. Взявшись за дверную ручку, я вдруг замерла, передумав выходить. Странное чувство нарушало моё душевное равновесие. Просто это в новинку – иметь рядом человека, который тебе верит.

Билл тем временем вынул ключи из замка зажигания, спрятав их в карман синего пиджака. Солнца нет, и его инициалы не сверкали ослепительным блеском, подобно вспыш-

кам камер на красной дорожке.

– Слушай, – откашлялась я, привлекая к себе внимание, – проведу маленький инструктаж перед бурей... Не обращай внимания на маму и на её странные выходки. Она психолог.

Густые брови Хофера нахмурились в снисхождении, а на губах застыла полуулыбка.

– Твоя мама психолог? Вот жуть.

Не могу не согласиться!

– ...А насчёт отца не переживай, тебе повезло – он уехал, – с этими словами я выбралась из салона и тихонько захлопнула дверь.

Обогнув «Хаммер», я поравнялась с Биллом и заметила его застывший на доме взгляд. Он разглядывал цветочные клумбы у крыльца, тропинку с трещинами, из которых выглядывала молодая трава. На зелёных черепицах крыши, у антенны кабельного телевидения, беспокойно кружился во-круг собственной оси флигель в виде стрелы, его Билл тоже заметил.

– Пошли, – кивнула головой я в сторону парадной и, сунув ключ в замок, открыла нам проход. Внутри стоял аромат запеченного картофеля, из гостиной доносился голос телевизора, поэтому, разувшись, мы направились на шум. Как я и предполагала, на диване лежала мама, увлеченно смотря бразильский сериал своей молодости. Такое впечатление, что сериал этот вечный, хотя актеры давно лишились первой свежести.

В тех частях, где мозаичный паркет не укрыт пушистым ковром, стоило наступить, как пол скрипел. Гостиная примечательна лишь новеньким телевизором и диваном, который мама заказала в разгар скидок. В комнате царил полумрак из-за плотно задвинутых тяжёлых кремовых штор, касавшихся ковра.

Заметив движение со стороны, мама круто подскочила в испуге и, застав меня в компании парня, сконфужено обомлела. Её широко выпученные глаза бегали туда-сюда, а губы раскрылись в попытке выразить мысль.

Так, если я ничего не сделаю, мы так и будем стоять здесь до завтрашнего дня.

– Привет, мам, – помахала раскрытой рукой я, пытаюсь привести её в чувство. – Знакомься, это Билл Хофер, мы вместе ходим на историю.

Подробности об оборотне было необходимо опустить.

Мама скинула с себя клетчатое одеяло и впопыхах вскочила на ноги, приветливо улыбнувшись Биллу. Кажется, ему неловко: он заметно покраснел и поднял вверх один уголок рта.

– Здравствуй, Билл, я мама Марго – Мередит, – внезапно для всех мама взяла брюнета за руку и сочувственно взглянула прямо в глаза. – Прими мои соболезнования. Это большая трагедия.

Ага, значит, она узнала сына мэра. Билл опешил, покосившись на меня взглядом «что за черт?», затем запасся само-

обладанием и вежливо кивнул.

– Спасибо, миссис Ван де Шмидт.

– Ладно, у нас домашка. Нам нужно работать, если позволишь, – взяв того за свободную ладонь, я потянула Хоффера за собой и пропуская вперед, толкая в направлении своей комнаты.

– Конечно! Занимайтесь! А я принесу вам чего-нибудь вкусенького! – когда Билл уже скрылся за дверью, мама вдруг коснулась моего плеча и шепотом спросила, – Почему ты не сказала, что дружишь с сыном мэра? Почему не сказала, что вообще с кем-то дружишь?

Началось! Ей невозможно угодить.

– Потому что ты бы и это разрушила, – холодно процедила я, не дожидаясь чужой реакции, быстро направилась в спальню.

Самое мерзкое, что это правда. Когда твоя мать твердит, что её дочь наркоманка, ожидать стоит многого. Это ранит больше всего. Но несмотря на клокочущую обиду, я отмахнулась от плохих эмоций, чтобы Билл не стал свидетелем семейной драмы.

– Ты в порядке? – донёсся до меня его голос.

Осознав, что я все это время стояла к нему спиной, я выругалась и повернулась к гостю всем телом, успев натянуть беспечную улыбку.

– Да-да, все нормально. Мелочи, – бросила рюкзак на пол, а сама прошла к столу с кучей книг и всяких бумаг.

Билл, как обычно это бывает, принялся расхаживать по комнате, в любопытстве рассматривая каждую трещинку в потолке, картины с меланхоличными пейзажами, люстру в виде одуванчика и ковёр на темном паркете. Комната моя довольно просторная, а благодаря сиреневым обоям с белыми бабочками на одной из стен, она казалась нежнее. Одно-русная кровать поместилась в углу, слева от двери.

Парень одобрительно хмыкнул, а значит рубрика «оцени комнату» официально завершена. За прозрачным тюлем с редкими узорами промелькнула яркая вспышка, после которой, как полагается, послышался рокочущий раскат грома. Я бегом рванула к окну, чтобы шторами заслонить вид на мрачную погоду. С детства, как мне сказали «если посмотришь на молнию – ослепнешь», я избегала зрительного контакта с грозой.

– У тебя милая комната, – взял в руки эластичный карандаш Билл и по-детски улыбнулся, играясь с ним.

– Ах, это она просто убрана, – отшутилась я, позволив себе расслабиться. Подойдя к столу, я взяла зеленую тетрадку, распахнула нужную страницу и протянула её Хоферу. – Смотри.

Отложив карандаш, брюнет нахмурился и немедленно принял тетрадь. Повсюду были даты, разные цифры, имена и фамилии. Хофер мало что понимал, поэтому время от времени косился в мою сторону в ожидании объяснений.

– Харпер Уинклер... – задумчиво протянул тот, плюхнув-

шись на мягкий пуфик.

О да, «чувствуй себя как дома» – выражение не для всех...

– Первая жертва, тысяча девятьсот семьдесят первый год.

Мне приходилось столько раз повторять одно и тоже вслух, что я выучила всю цепочку наизусть. И мне жутко хотелось продемонстрировать свои знания, поэтому я хорошо подготовилась.

– Рональд Купер, – кивнул Билл, – шестая жертва... Мой отец был с ним знаком. Кажется, они даже играли гольф вместе.

Ветер скосил дождь, и теперь капли барабанили по окну со всей мощностью, будто с намерением его пробить.

– Куперы одни из влиятельных семей в Салли Хилл, неудивительно, что ваши отцы дружили.

Брюнет на мой комментарий ничего не ответил, лишь лениво перекинул ногу на ногу.

– Эвелин Гипс... Эвелин Гипс... – надул губы Билл. – Что-то знакомое.

– Эвелин Гипс – третья жертва, семьдесят девятый год. Она была писательницей, – помогла я, доставая из шкафчика стола потрепанную книгу с дурацкой обложкой, после чего с шумом прыгнула на застеленную кровать.

– Точно, её книга «Ложь ветра» до сих пор валяется где-то у меня в чулане, – просиял парень, вновь уткнувшись в тетрадку.

Я болтала ногами в воздухе, листая страницы книги, как

внезапно отварились дверь, и на пороге, как черт из табакерки, появилась мама. Ненадолго её хватило. Я закатила глаза, однако та этого не заметила, потому что обращала внимание только на Билла.

– Может, перекусите? Я приготовила картофельную запеканку, – обнажила в уголке ровные зубы мама, стреляя глазами.

За то время пока мы здесь, она успела переодеться и уложить свою непослушную чёлку. Боже, да она издевается!

– Спасибо большое, миссис Ван де Шмидт, но мы с Марго поели в школе. В другой раз, – вежливо отказался Билл и демонтировано приподнял на уровень носа тетрадь, изображая интерес к записям.

– Ладненько, тогда не буду вам мешать, иначе Марго сейчас меня взглядом прожжёт, – нервно хихикнула мама и прикрыла за собой дверь.

Я недовольно фыркнула на брошенное в мой адрес замечание. Даже сейчас мама пыталась выставить меня грубиянкой.

– Итак, на чем мы остановились?.. – встрепелась я, листая пожелтевшие страницы энциклопедии.

Хофер любопытно уставился на картинку в книге и, дабы разглядеть получше, держась за пуфик, подкатил к кровати. Было забавно то, как он ковылял своими длинными ногами, и я позволила себе улыбнуться.

– И то, что здесь написано, правда? Это ведь легенды! –

ткнув пальцем в картинки, недоверчиво фыркнул он.

– Легенды ведь на чём-то складываются. Слушай, детские байки ожили. Возможно, даже в колыбельной «придёт серенький волчок и укусит за бачок» есть доля правды.

Промолчав, парень задумчиво вглядывался в рисунки, а затем произнес:

– А это ещё что за «Проклятый луной»?

– Это одна из легенд, откуда взялись оборотни. Но я в это мало верю, – я легла поудобнее, чтобы пересказать сказку. – В легенде говорится о двух братьях с одной кровью, одной внешностью, но разными сердцами. Один был ловок, хитер, быстр и умён, а второй отличался силой и добротой. Им двоим не было равных: оба брата сражались с врагами плечом к плечу, не бросая своих друзей на поле битвы. Однажды один брат, тот, что был добр и силен, отправился на охоту в лес, и ему очень повезло – он встретил целую стаю волков. Только он хотел напасть на них, как прямо перед ним волк с диким воем и рычанием превратился в человека. Изумившись из-за увиденного, он упал на землю и склонил голову. Волк представился Бивинием и попросил не убивать его семью, а заключить мир. Добрый брат, ставший свидетелем того, как только что маленькие волчата уже в человеческом облике кувыркались на траве и весело смеялись, не смог поднять оружие. Сердце не позволило. Волк и человек заключили мир. Тогда воин вернулся в деревню ни с чем и рассказал обо всем своему брату. Тот захотел обладать тем же волшебным да-

ром, что и стая. И ночью, когда на небе светила яркая полная луна, он отправился в лес на поиски волшебных зверей. Долго искать брату не пришлось – люди сидели у очага в волчьих шкурах, и, увидев силуэт, узнали в нем своего товарища, не подозревая о подкрадывающейся беде. Хитрый брат этого и добивался. Заполучив доверие волшебных зверей, он просил о даре, но мудрый волк ему отказал. Разозлившись, человек достал оружие и напал на стаю. Многие достойно боролись с ним, однако его ловкости и волки уступали. Те, которые пытались обратиться в животных, сразу погибали от острых копей человека. Когда же почти все были перебиты, один молодой волк сдался в мольбе никого больше не убивать. Встав на колени, поклонившись луне, человек произнёс что-то на своем языке и его глаза облились кровью. Обратившись в волка, он укусил брата и наделил своей силой, а затем, забрав холодные тела родных, исчез за завесой густого тумана.

С каждой секундой жадный брат чувствовал слабость, затем дикую боль – его кровь кипела. Он ещё не понимал, что молодой волк обрёк его на вечные муки. Брат начал сдирать с себя кожу, покрываясь кровью и мехом. Его пальцы скрючивались, а на месте ногтей появились длинные когти. Каждая кость ломалась, и на их месте срастались новые. Душа человека покидала его, заключая в оковы безумного животного. Не обладая собой, проклятый лишь жаждал крови и смерти. Вместо волка он превратился в огромного монстра

с животным ликом, но человеческим станом. Его надзирателем стала луна – свидетельница людской подлости и жажды власти. Проклятый волк громко завыл, отчего ото сна пробудился второй брат, узнав о случившемся несчастье. Собрав всех воинов, он пустился вглубь леса, чтобы отыскать чудовище. «Оборотень», – прозвал брат брата и ринулся в смертельный бой. И вот два брата, сражавшихся плечом к плечу, отныне заклятые враги. Сила оборотня была несокрушима, он одолел человека и разорвал его в клочья, не чувствуя ничего, кроме голода. Напившись кровью родных и друзей, проклятый волк пустился в ночь, пытаясь скрыться от безликой луны, но его проклятие было с ним навечно...

Закончив пересказ, я захлопнула книгу и, поджав уста, взглянула на Билла, который с неподдельным интересом слушал меня.

– То есть, в нашем лесу бродит тот самый брат? – он сонно зевнул, и я вместе с ним, прикрыв рот ладонью.

Дождь снаружи немного приутих, однако гром вдали не переставал греметь.

– Это одна из версий и необязательно верная, – цыкнула я снисходительно, – но описание оборотня похоже.

– Черт возьми, я попал в ужастик? Это слишком сложно!

Бурчания парня заставили меня улыбнуться. Он снова взялся за тетрадь с «дюжиной» и, бесцельно листая, грустно вздохнул.

– Двенадцатая жертва... Фрэнсис Хофер, – прошептал

Билл, и этот шёпот боли был громче любого вопля.

Я в сочувствии нахмурилась, прекрасно чувствуя, как Биллу тяжело углубляться в тему смерти своей мамы. Я нерешительно опустила руку на его плечо и слегка, чтобы выразить поддержку, погладила. Нам, людям, важно иметь рядом с собой того, о ком можно позаботиться. Это то, что и делает нас людьми.

– Мне очень жаль, Билл.

– В первый день нашей встречи ты сказала, что нашей семье на все плевать. Почему? – он поднял глаза на меня, выглядя серьезно. – Я хочу знать, почему ты так сказала.

Растерявшись, я медленно отпрянула от Билла. У него отличная память, если он запомнил фразу, брошенную мной в порыве гнева. Или же я попросту надавила на больную мозоль.

– Ну... Уже погибло столько людей, а мэр так и ничего не предпринял. Скинуть ответственность на волка-людоеда может каждый, но вот разобраться... Впрочем, никто и не пытается. Кроме нас с тобой...

Последовало подавляющее молчание. В этой тишине слышалось биение моего сердца.

– Может, ты и права, – Билл тяжело вздохнул и, прикусив нижнюю губу, с перекошенной от грусти миной рассматривал мои записи.

Как раз в эту секунду я вспомнила о важных подсчётах и, восторженувшись, указала на даты рядом с именами.

– Самое важное, что я хотела рассказать! Мне удалось кое-что выяснить. Каждое убийство происходило раз в четыре года, смотри, – я передвинула палец ниже, – Харпер Уинклер – тысяча девятьсот семьдесят первый год, затем Джереми Чарлз – тысяча девятьсот семьдесят пятый, следом Эвелин – тысяча девятьсот семьдесят девятый год. Промежуток между всеми убийствами четыре года, а затем шла расправа!

Хофер задумчиво нахмурился, что-то проговаривая под нос.

– И вправду... Что это значит? Это ведь что-то должно значить?

– Я так думаю, иначе случайностью это не назвать.

Почесав бровь, Билл сказал:

– Получается, что следующее убийство в следующем году? – наладив со мной зрительный контакт.

– Я тебе больше скажу, все убийства имели свой месяц, например, Харпер убили в мае, а Купера – в октябре. И ни один месяц не повторялся. Двенадцать жертв – двенадцать месяцев. Совпадение? Мне так не кажется.

На секунду показалось, что мы близки к разгадке, но этот прорыв лишь увеличил число вопросов.

Внезапно Билл разразился смехом и качнул головой, словно ведя внутренний диалог с самим собой. Я растерянно хлопнула ресницами.

– Точно, как я сразу не понял! – громко воскликнул он, и я испугалась, что на шум прибежит мама. – А ты почему

не заметила?

– О чем ты говоришь? – вспылила я.

– Уинклер, Чарлз, Гипс, Хофер, Грин и другие?.. Ничего не замечаешь? Связывающее звено!

Посмотрела на список имён и будто не замечала очевидного. Тут Билл, которого распарило от желания высказаться, подытожил:

– Все эти люди влиятельны: интеллигенция, бизнесмены, стражи порядка и города, а ещё...

Поймав ход его мыслей, широко раскрыв веки, я подхватила его на одном дыхании:

– ...А ещё все эти люди потомки семей основателей города Салли Хилл!

– Эврика! – мы дали друг другу «пять».

Наше маленькое, но весьма весомое открытие предало мне уверенности. Я широко улыбнулась, взбудораженная тем, что мы стали на шаг ближе к разгадке, и отчасти в том есть заслуга Билла. Теперь все будет иначе.

– Ты завтра свободен? – спросила я. Мы оба сидели на полу, облокотившись спиной о кровать.

По скользкой ухмылке парня очевидно, что ответ мне не понравится.

– А что, хочешь позвать меня на свидание? – боднул он меня плечом, и закатила глаза.

Предсказуемый до тошноты.

– Ты же сын мэра – ключ ко всем дверям, пора этим по-

пользоваться. Обеспечишь вход в городскую ратушу? Там много документов, можно найти что-то полезное про семей-основателей.

– Так и знал, ты меня используешь, – хлопнул по колену Билл, шутливо обижаясь.

Я запрокинула голову на постель и обреченно застонала. Билл насмешливо хихикнул, тогда я подтолкнула:

– Ну так что?

Брюнет улыбнулся одним уголком рта.

– С тебя молочный коктейль в «Мокко» и черничный кекс.

ТРИО

С трудом распахнув глаза, я жалобно простонала и перевернулась на другой бок. Конечности гудели как после длинного марафона. Пошевелив рукой, я тотчас об этом пожалела – острая боль пронзила все тело. Ну что за страдания!

Новый день встретил меня безоблачным лазурным небом и теплым солнечным светом, отражающимся в окнах соседских домов. Я дернула штору вбок и заметила почтальона на скутере. Он проезжал мимо каждого крыльца и, будто ему это ничего не стоит, бросал газеты под дверь каждого дома. Я проводила его взглядом и случайно наткнулась на багажник серой машины, которая припаркована у бордюра. Это папина, значит, он приехал.

Первое правило Ван де Шмидтов – чем усерднее ты пытаешься быть тише, тем высока вероятность разбудить весь квартал. Затянув пояс халата потуже, я вошла на кухню, где мама занималась грязной посудой, делясь с отцом о какой-то диете для диабетиков, а сам папа, сидя за столом, с аппетитом уплетал омлет с беконом. За три дня на его лице отросла приличная щетина.

Заметив меня в дверях, он приветливо улыбнулся и перестал жевать. Либо поездка его утомила, либо он просто постарел, но серые глаза, когда-то полные озорства, издавали тусклое сияние. Чёрные волосы по своей природе тонкие и

прямые на голове почти выпали, оттого на макушке образовалась проплешина. Он улыбался мне так, словно в следующую секунду должно произойти что-то очень важное.

Так, изучая его, я потеряла счёт времени, однако бодрый голос мамы привёл меня в чувство:

– Давай, Марго, садись. Я приготовлю тебе сэндвич. Или хочешь хлопья? – по выражению её лица было ясно, что она уже отхлебнула чашку кофе – эликсир энергии на ближайшие десять часов.

Отодвинув со скрипом стул, я села напротив отца и сложила локти в ожидании завтрака. Это только третий день учебы, а я уже мечтаю о каникулах.

– Как дела, принцесса? – поинтересовался папа, нанизывая бекон на вилку.

Гм, скрытый подтекст: «Надеюсь, за это время ты не разгромила город в поисках наркоты?». Осознавая, что близкие люди сделали из меня трудного подростка, в животе все переворачивается. Наверное, это то единственное, что я никогда не смогу простить.

– Хорошо, – ответила я и обратилась к маме, – лучше сэндвич.

Но мама пропустила мою фразу мимо ушей и, круто обернувшись к отцу всем весом, радостно защебетала:

– Ох, Джерри, вчера Марго привела к нам домой мальчика, сына мэра – юного Билла Хофера.

– Что, серьёзно? – не скрыл своего удивления тот, а затем

с нотками скептицизма добавил: — А разве он учится в городской школе? Как вы с ним познакомились?

Объяснить мне снова не позволили — мама, опустив тарелку с сэндвичами на стол, перебила меня.

— В интернате, где он учился, идёт ремонт. Всех ребят перевели в школу. Там они и познакомились!

О да, всё так и было. Впрочем, для них же лучше, если правда останется между мной и Биллом.

— Ого, ты наконец решилась с кем-то подружиться, это добрый знак, — улыбаясь, кивнул папа.

Я не отреагировала на это замечание, откусив бутерброд.

— Да, — поправила мама свою челку. — Ты начала жить нормальной жизнью. Это очень радует.

Вот же... Из уст вырвался нервный смешок.

— Вы готовы принять то, что я вожу мальчика к себе в комнату, но хотите разорвать меня на части лишь о мысли про оборотней, — медленно процедила я, избегая их настоятельного взгляда.

Эта правда сильно огорчает, а родителей, в свою очередь, злит. Они искренне верят в то, что я наркоманка. Боже, да я и не хотела брать в рот ту проклятую таблетку! Это сейчас они нахваливают мою дружбу с Биллом, а узнав, что именно нас связывает, они в тот же миг запретят нам общаться.

Папа глубоко выдохнул, а мама молча наблюдала за ситуацией со стороны, чуть что готовая выступить со своими заумными речами.

– Марго, давай не будем портить друг другу настроение? – предложил он, криво улыбнувшись.

– Поздно, уже испортила, – отодвинув стул, я поднялась с места. – Аппетит резко пропал. Я пойду сегодня в школу пешком, провожать не стоит.

Выйдя из кухни кухню, я расслышала за спиной реплику отца, явно обращающегося не ко мне:

– Это она в тебя такая.

Затем дверь закрылась.

* * *

Школьные правила чётко гласят, что внешний вид ученика должен соответствовать нормам приличия, а это значит, если твои волосы цвета только что расцветшего мака – ты огромное нарушение. Волосы я покрасила в красный по двум причинам: мне всегда хотелось поэкспериментировать с причёской, а второе, – когда тебя считают неуравновешенной наркоманкой, терять уже нечего, поэтому имидж должен соответствовать репутации.

И даже теперь, десять секунд назад покинув кабинет директора, я придерживаюсь своего мнения. Синие шкафчики сменяют друг друга, лица все похожие, недовольные и злые. Каждый второй школьник относится ко мне с предвзятостью, когда как я к ним равнодушна. Не стоит даже ненависть тратить на тех, кто ни черта не достоин.

Держась за рукава джинсовой куртки, я быстрым темпом

мчалась к шкафчику Билла, чтобы наконец-то пожаловаться ему на директора, которого беспокоит мой цвет волос. Завернув за угол и чуть ли не сбив с ног какого-то парня, я, извинившись, оглянулась в сторону, откуда исходил страшный гвалт. Лишь позже, когда я поравнялась с толпой, я поняла, что все скучковались у шкафчика Билла. Спенсер – высокий парень с накаченными руками, основной игрок в школьной команде баскетболистов и вдобавок большая заноза в заднице – находясь впритык к Биллу, настолько, что их лица были в нескольких жалких сантиметрах друг от друга, спорил с Биллом. Народ, глядя на это, перешёптывался, ведь не каждый день местный популярный парень и сын мэра устраивают шоу. Но, заметив рядом с баскетболистом Урию Хофман, мне было уже не до шуток. Эти двое спелись? Не лучший дуэт, по крайней мере, оба мерзко фальшивят.

– Что тут происходит? – прорвавшись через толпу, я вышла к парням.

Баскетболист нахально ухмыльнулся, обратив на меня внимание.

– О, а вот и наша сумасшедшая! Только тебя и ждали, – ядовито протянул он в издевательской манере.

Не обидевшись, я изогнула вопросительно брови.

– Выражайся яснее. Какие-то претензии? – сама не понимаю откуда такая уверенность, но мне это нравится.

Взгляд скользнул к Фурии – она не отводила глаз с Билла, будто вокруг, кроме него, пустота.

– Этот фрик отказался от приглашения в команду, кинул Урию, не тусуется с нашей компашкой, и я уверен, что ты промыла ему мозги. Что за дела у вас обоих? Вы все время вместе.

Так вот в чем дело... Его бесит безразличие Хофера, и они решили мстить? Как предсказуемо.

Я театрально схватила за грудь и жалостливо нахмурилась.

– Ох, какое у тебя хрупкое эго. Ты главное не заплачь, а то фанатки не поймут.

Билл выдал смешок, что только раздражило Спенсера. Он стиснул зубы, и желваки на его лице дернулись.

– Нам непонятно одно: что такой, как ты, делает рядом с такой, как она? – встряла Урия, глядя на брюнета рядом со мной.

– Рискни сказать с какой. – Билл сузил веки и сделал шаг навстречу к самоуверенной девушке. Он загородил меня своей широкой спиной, на которой, как и всегда, присутствовал синий пиджак с инициалами.

– С грязной наркоманкой, у которой не все дома. Может, вы по ночам вместе оборотней ищите, а? Под одеялом?.. – Спенсер не успел закончить идиотскую шутку, как его скула встретила с кулаком Хофера, и парень с небывалой скоростью отлетел в сторону.

Все одновременно ахнули и разбежались по углам, испуганно выпучив глаза и зажав рты руками. Такая реакция бы-

ла и у меня с Урией. От неожиданности я оторопела и смогла лишь проверить взглядом Билла – он пребывал в растерянности, не ожидав от себя столь бурной реакции. На его лбу раздалась венка, он нервно потирал больную руку и, ожидая ответного удара, смотрел как Спенсер, ругаясь, поднимался с пола.

Будто напружиненное, мое сердце гулко забилося, и я хотела увести Билла подальше от эпицентра хаоса. Однако, прежде, чем я успела среагировать, Спенсер рыча, как голодный зверь, набросился на Хофера и толкнул того к шкафчикам. Брюнет за мгновение оказался к ним прибитым лопатками. Спенсер давил всем весом, не позволяя ему шелохнуться, потеряв контроль, наносил нескончаемые удары по лицу. Развернувшаяся картина до того меня напугала, что я с визгом ринулась на подмогу, только схватиться за Спенсера у меня не вышло, и в разочаровании я шумно ахнула. Чья-то рука меня резко оттянула назад, я оказалась позади всей толпы. Невыносимый гул оттеснял остальные шумы, на мгновение оторвав меня от реальности. Когда я обернулась за спину, то сконфуженно раскрыла рот, застав перед собой новенького ученика с белобрысыми волосами – Генри Ридл.

– Какого черта,пусти меня! – дернув плечом, оттолкнула я того, тем не менее он снова схватил меня уже другой рукой и громко крикнул:

– Ты только помешаешь, не лезь в драку!

Тем временем Билл успел переиграть ситуацию в свою

пользу: баскетболист с окровавленным носом лежал на полу, принимая удары Хофера, но по-прежнему умудряясь вскрикивать подлые ругательства в наш с ним адрес. Некогда любопытные детишки, ужаснувшись, разбежались по кабинетам, но бестолковая часть осталась на месте, снимая драку на камеру.

В нетерпении я яростно рыкнула и посмотрела на Генри.

– Отпусти меня!

– И что ты сделаешь? Хочешь, чтобы и тебе досталось?

– Там мой друг! – протестовала я.

– Не заставляй его отвлекаться на тебя, – собрав песочно-го цвета волосы у переносицы, покачал головой Ридл.

Я прикусила губу, не зная, что меня переводило в бешенство больше – неугомонный Спенсер или упрямый смуглый парень, которого я совсем не знаю.

У Билла разбита губа, а из носа капала кровь. Я жалостливо захныкала и, переводя дыхание, примирительно обратилась к удерживавшему меня блондину:

– Хорошо, я не стану вмешиваться, но нужно позвать учителя!

Немного обдумав мои слова, Генри всё-таки отпустил моё плечо, позволив рвануть вдоль коридора. Как раз в этот момент на все помещение раздался оглушительный звонкий свист. Парней начали разнимать, хотя оба махали ногами и руками в старании задеть друг друга как можно больнее. Я остановилась и облегченно вздохнула, увидев тренера бас-

кетбольной команды, который сурово разглядывал побитых учеников. Милую мордашку Хофера было не узнать: губа распухла, как после укуса пчелы, на щеке красный отпечаток, который позже обязательно преобразуется в синяк, на лбу ссадина. Спенсер выглядел не лучше – чего стоит один его разбитый нос и фингал под правым глазом.

– Кто мне даст объяснение, что здесь, черт бы вас побрал, происходит?! – во все горло заорал тренер, сжав в кулаке свисток.

Все виновато потупили взгляды. Все, кроме двух подравшихся. Они таранили друг друга невидимыми молниями из глаз.

– Билл Хофер накинулся на Спенсера! – выглянула из толпы Урия.

Вот же стерва! Покрасневшее то ли от давления, то ли от злости лицо учителя устремилось в сторону Билла.

– Потому что вы его спровоцировали! Здесь все готовы подтвердить мои слова! – вышла в круг я, обращаясь одновременно и к тренеру, и к Урии.

Она ненавистно сузила веки. Спенсер сплюнул сгусток крови на пол, и меня затошнило.

– Заступаться за больную, как ты, никто не станет! Может, это твоя очередная галлюцинация?!

В голове противно застучало, и я отвлекла себя болью, сжав кулаки так, что ногти оставили ямки на нежной коже. Кажется, смысл жизни Урии Хофман доводить меня до нерв-

ного срыва – ещё немного, и я точно сорвусь с цепи. Но, если действительно хочешь отомстить обидчикам – наплюй на все их слова; равнодушие – самое эффективное оружие.

– Так, парни, не знаю, что здесь произошло, но вы оба идёте со мной, – поставив точку в разговоре, тренер кинул на меня мимолетный взгляд, а после направился в сторону спортзала.

Билл со Спенсером, обмениваясь колкими взглядами, поплелись вслед за ним.

Сложно понять, что беспокоило больше: то, что Хофер пострадал отчасти из-за меня, или то, что теперь ему за свой героизм влетит по полной. Паршивое чувство, но гораздо неприятнее осознавать свое бессилие. Я очень боюсь потерять единственного человека, который поверил мне. Кажется, Билл первый мой настоящий друг.

Я перевела дыхание и развернулась, желая отправиться на урок, однако за спиной послышалась реплика:

– Из-за тебя страдают люди, гребаная психопатка.

И проверять не стоит – это Урия. От осознания её правоты по телу била мелкая дрожь. Я посмотрела на неё с безразличием. У Урии красивые черные волосы, небрежно лежащие по оба плеча. Да, внешностью она вышла, только это единственное приятное в ней. Прискорбно, когда в человеке нет ничего красивого, кроме обертки.

– Спешу напомнить, что это вы к нам пристали. И то, что здесь произошло – ваша со Спенсером вина.

Урия сделала два шага ко мне, скрестив руки на груди. Я уже чувствовала аромат её французского парфюма, с которым она, как всегда, переборщила.

– А ты это докажи. Тебе никто не поверит. Тебе всегда не верят, – ехидно усмехнулась та, наслаждаясь своим мнимым превосходством.

Я стиснула челюсть, в который раз проигравшая на словах. Не сводя с той пронизательного взгляда, я готова была поднять белый флаг, как внезапно мы услышали твердый ровный голос со спины:

– Я ей верю, – говоривший поравнялся со мной. Им оказался Генри, – и готов выступить очевидцем.

– Ты же у нас недавно вылутился, да? Ты еще не знаешь, за кого заступаешься, – радужка Уриевских глаз потемнела.

– Знаю. За девушку, к которой прилипла, как банный лист к подошве, злючка. Оставь её наконец в покое, – холодно фыркнул блондин и, выгнув левую бровь, ожидающе сверлил ту испытывающим взглядом.

В итоге он победил – Фурия приняла поражение.

– Ты ещё заплатишь за это, кретин, – словно нарочно, протолкнулась между нами она, задев плечом, скрылась за углом в соседнее крыло. Цоканье её низких каблучков эхом отскакивало от стен.

Мы с Генри посмотрели многозначительно переглянулись и вдруг рассмеялись.

А он милый, когда улыбается – на правой щеке выступила

ямочка, а у глаз проявились неглубокие морщинки. Этот парень выручил меня второй раз за день, что достаточно странно, поскольку подобной бескорыстной доброты я никогда не получала.

– Спасибо за поддержку. Когда стану репортером, я сниму о тебе ролик, – улыбнувшись, я неловко поджала губы.

– Мы официально не знакомы, я Генри Ридл, – мы пожали руки, и про себя я отметила, что они у него мягкие на ощупь. – У моей мамы здесь наклеивается работенка, вот мы и переехали.

– Значит, ты здесь надолго?

– На год, после выпуска хочу отправиться в большой город.

Слова Генри потухли на фоне трели школьного звонка.

– А что за работа у твоей мамы, если не секрет? – я держалась вежливо, но время от времени поворачивала голову в сторону, куда ушёл Билл.

Интересно, чем он сейчас занят? Куда отвёл их тренер и для чего?

– Она журналист. Собирает информацию о странностях городков Америки. Где мы только не побывали за эти годы, столько всего узнали, в основном, одну жуть.

– Как понимаю, Салли Хилл привлёк вас историей двенадцати жертв? – догадалась я, и Генри кивнул.

Кабинет физики, на урок которого я опаздывала, заполнялся учениками. Я нервно прикусила уголок губ.

– Верно. И я думаю, ты сможешь мне помочь. Я знаю, что ты в курсе чего-то такого, о чем не знает никто другой.

Уверенность блондина сбила меня с толку. Я сконфузилась, не имея представления как реагировать на его реплику. Неужели Генри шпионил за мной? Впрочем, это лишено всякого смысла, ведь можно спросить у любого – все скажут, что Марго Ван де Шмидт чокнутая, видевшая в лесу оборотня.

Но что, если Билл прав, и Генри на самом деле отнюдь не новенький? Вдруг он действительно оборотень?.. Какова вероятность, что это так? Для человека только переехавшего в город, он чересчур наглый и уверенный в себе.

– Что? – растерянно хлопнула ресницами я.

Генри промочил кончиком языка нижнюю губу.

– Я хочу подключиться к вашей команде и отыскать убийцу. Или иначе говоря... – он выискивающе наклонился ближе, словно боясь, что нас подслушивали. Его дыхание обжигало мне щеки. – Оборотня?..

Широко распахнув веки, я с ужасом посмотрела ему в глаза, и сердце забилось чаще.

* * *

Резкий грохот привёл меня в чувство – я обернулась. Сквозь оконную раму проходили блеклые солнечные лучи, из-за которых ясно заметен поднявшийся столб пыли.

Билл, ворчливо ругаясь, поднял упавшую книгу и вер-

нул её на прежнее место, к остальным скучным и неинтересным рукописям. Благодаря фамилии Хофер, нам удалось пробраться в городскую ратушу, где хранятся важные исторические записи, документы и памятники Салли Хилл, зафиксированные на бумаге. Если повезёт отыскать что-нибудь достойное внимания – будет здорово. Однако энтузиазм с каждой проведенной здесь минутой увядал, как и надежда продвинуться в нашем расследовании. За битый час мы так и не нашли ничего, что могло бы стать путеводной нитью к началу истории. Теория о семьях-основателях показалась настолько реалистичной, что ни в что другое я отказывалась верить. Это ведь не случайность... в кровавом списке жертв исключительно потомки фигур, игравших важную роль в истории Салли Хилл.

Спустя еще время мы наткнулись на их биографии, сведения о череде пожаров, наводнений и генеалогическое древо каждого основателя.

Переутомившись от поисков, я села на пыльную деревянную табуретку, наблюдая за Биллом, который стоял на стремянке, просматривая один справочник за другим.

– И что ты ему ответила? Надеюсь, послала к черту? – протянул Хофер, листая страницу книги с печатью нашего города минувших лет.

– Меня спас директор. Он отправил нас по кабинетам.

Билл лишь довольно хмыкнул, спустившись со стремянки и бросив книгу на стол, где не было свободного места:

повсюду лежали справочные материалы, листовки, учебники, которые, по нашему мнению, могли быть полезны. Я тоже поднялась с табуретки, мы нависли над пожелтевшими от времени и сырости страницами книги.

– Это ещё что? – вгляделась я повнимательнее.

Меня заминировали черно-белые рисунки, а рядом с изображениями имена: Гарри Бирди, Николас Лордонгов, Амелия Элизабет Крамер и Шон Голд. Неужели...

– То, что мы искали – информация об основателях, – Билл гордился собой и не скрывал это, самодовольно улыбаясь. Я шутливо закатила глаза на его поведение и сконцентрировалась на записях, – Гарри Бирди родился в тысяча шестьсот тридцать четвертом году, двенадцатого октября, в семье сапожника, в городе Салем. В тысяча шестьсот семидесятом году покинул дом и основал город Салли Хилл, спустя год вступив на должность мэра.

Потупив взгляд, я отрывисто вздохнула.

– Это можно и в учебнике истории прочитать, ничего специфического в этом нет. Признай, мы попросту тратим время.

– Я бы так не сказал... – не согласился брюнет. – Эти записи не похожи на другие. Смотри.

Парень демонстративно пролистал страницы, как вдруг на одной из них мы обнаружили очень старый, пахнувший пылью и травой, лист бумаги с той же печатью, что изображена на переплете книги.

От мысли, что это может быть информация об оборотнях или другой нечисти, я в нетерпении сглотнула. Билл схватил, как оказалось, обрывок бумаги и осторожно развернул его, показав плохо читаемый почерк с наклоном вправо, чернила которой обесцветились. Приблизившись к листку вплотную, я зачитала вслух:

– «Подтверждаю, Гарри Бирди, Шон Голд и Амелия Элизабет Крамер причастны заговору против Господа Бога. Я стал свидетелем греха, я стал соучастником. Сперва Гарри Бирди встал на защиту сатаны, но после беседы с... изменил свои взгляды. Шон полюбил детище дьявола, А. Э. Крамер обратила людей Новой Англии в чудовища. Я, Николас Лордонгов, признаю свою вину и прошу Отца нашего, Господа Бога, прощения всего. П... рату..... Са... 169.....»

Пустота. Дальше текст обрывался и, как обычно это бывает, на самом интересном. Увы, воссоздать письмо раскаяния Николаса невозможно, разве что додумывать, но это плохая идея. С каждой находкой вопросы лишь добавляются, и не намёка на ответ. Мы с Биллом одновременно переглянулись.

– Значит, основатели что-то натворили... – заключил Хофер.

– Возможно, они разбудили или быть может создали оборотня? Оборотень ведь детище сатаны?

– Я думаю, их отлучили от церкви, и поэтому речь идёт о Дьяволе и Боге. Они ведь не были пуританами?

– Гарри Бирди и ещё несколько человек выходцы из Са-

лема, так что они, пожалуй, были теми еще нравственными фанатиками.

– Если так, почему они пошли против Бога? – Хофер задумчиво почесал бородку и снова взглянул на письмо из прошлого. – ... Защищал сатану, полюбил детище дьявола, обратила в чудовища... А вдруг их втянули в секту? – неожиданно бодро предположил Билл, загоревшись своей мыслью. – Может, они продали душу Дьяволу и именно об этом пишет Николас?

Я протерла веки и зажмурилась, избавляясь от тумана, который раздражал глаза.

– Может быть. Нам надо больше разузнать о делишках первого мэра и его свиты, – я понизила голос, вкрадчиво обратившись к брюнету: – Этот город не то, чем кажется.

Парень бережно сложил найденную записку в прямоугольник и спрятал в прежнее место, а потом сунул справочник об основателях в рюкзак. Я вопросительно нахмурилась, на что Билл, желая объясниться, взглянул на меня исподлобья:

– Это нам ещё пригодится. Дома изучу повнимательнее, может, будет что-то ещё.

Схватив свой чёрный рюкзак, я перекинула его через плечо и направилась к выходу. Странное чувство не оставляло меня в покое, я робко скользнула взором по беспечному Хоферу. Следы драки на его лице лишь углубили мои угрызения совести. Я обернулась к нему и натянула утешительную

улыбку.

– Билл, со всей этой мистической ерундой я не успела спросить как ты себя чувствуешь после сегодняшнего?

Похоже, брюнет застигнут врасплох моей озабоченностью. Он не сразу ответил:

– Я в порядке, Марго, – криво усмехнулся тот, и я поняла, что он лгал. – Воспитательная речь тренера – худшее, что я когда-либо слышал, потом он заставил убирать спортзал в качестве наказания, но это ничего по сравнению с... – внезапно Хофер отступился, облизав сухие губы. – Марго... ты правда торговала наркотой в школе?

Это было столь неожиданно, что я отреагировала на грубый вопрос с паузой. От возмущения на лбу выступили морщины, я обиженно соединила брови у переносицы. Мне показалось, что я ему уже всё объяснила, и наркотики – это только слухи.

– Кто тебе наплёл эту чушь?! – не дрогнув голосом, спросила я.

– Спенсер с Урией.

Я громко фыркнула, хлопнув руками по швам. Очевидно, что они, больше никому!

– И ты им поверил?

– Я... я просто не знаю тебя, Марго! Мы знакомы всего ничего, а уже ведём охоту на оборотня, в которого я несколько дней назад не верил. Это... ужасно странно, понимаешь? – он нервно схватился за голову. – У меня башня не

варит, я схожу с ума! Смерть мамы я объяснял себе самыми зверскими способами, но оборотень... Это бред какой-то!

– Но это не значит, что нужно верить в каждую гадость обо мне, – с горечью почти шепотом произнесла я, уткнувшись взглядом в пол.

С одной стороны мне было жаль Билла и я понимала его сомнения, но с другой, во мне зародилась обида. Видимо, он до сих пор не верит мне, не верит даже после увиденного в моей комнате. Как же это бесит! Что ещё мне сделать, чтобы доказать свою правоту? Принести ему голову чудовища на блюдечке?

Хофер широко распахнул глаза в порыве что-то сказать, однако он осекся, не найдя подходящих слов.

Глубоко вздохнув, я все-так же тихо продолжила:

– Билл, тебе будут рассказывать обо мне много гнусностей: что я лечилась в наркологическом центре, о том, что я, якобы, больной ребёнок, но ничего из этого не является правдой! Увиденное мною не галлюцинация! Я не сумасшедшая, – посмотрев на него, решительно звучала я.

Внезапно скрипнула старая высокая дверь, и пространство наполнилось эхом. Оглянувшись на шум, Мы с Биллом замерли в ожидании появления чего-то пугающего. Послышался стук каблуков, а вскоре, из-за стеллажей с материалами XVI века, осторожно выглянула старушка, внешне похожая на призрак. Её седые волосы собраны в опрятный пучок, сморщенная кожа, отдававшая желтизной, напомнила пер-

гамент одного из свитков здешней библиотеки, а глаза, прозрачно-голубые, не внушали доверия. Старушка поправила свой строгий сарафан с жабо и угрюмо уставилась в нашу сторону. Кажется, ей не по душе наше присутствие.

– Что-то случилось, миссис Бирди? – вежливо полюбопытствовал Хофер, приподняв брови.

Стоп, что?! Бирди?..

Они некоторое время просто обменивались взорами, после чего старушка бросила свой холодный взгляд на меня, оценивающе рассматривая каждую деталь, заиклив особое внимание на волосах.

– Вы ещё не собрали информацию для эссе? Прошло много времени, – она медленно отпрянула к шкафу, освобождая для нас проход. Её тонкий намек вышел достаточно грубым – она желала нашего ухода.

– Мы как раз собирались уходить. Спасибо за помощь, миссис Бирди, – любезно ответил ей Билл, кивнув мне на дверь.

Я вышла первой.

– Просто сделайте мне и всему городу одолжение – не вляпывайтесь в неприятности. Нам и так хватает смертей, – старуха косо проводила меня взглядом. Неужели она поняла чем именно мы здесь занимались? Её цепкий взгляд продолжал меня буравить вплоть до того, пока за нами не захлопнулась дверь. Спускалась я по скрипучей лестнице с красным потертым ковром с растопленными чувствами. Билл обогнал

меня, за считанные мгновения оказавшись в холле. Он что-то живо рассказывал, однако я его не слушала, отвлекшись на завибрировавший мобильник в кармане. Взяв телефон в руку, я открыла входящее сообщение.

Генри: Через час в «Мокко». Ты уже рассказала своему другу?

Как же ты, блондинчик, не вовремя...

* * *

«Мокко» не просто уютная закусочная, где подают обалденную картошку фри и невероятно вкусные молочные коктейли. Это место, где абсолютно каждый может расслабиться, стать самим собой; это место, где бродяга находит себе дом, где не существует дискриминаций, где одинокий находит себе компанию. Как известно, «Мокко» существует с тысяча семьсот второго года, только в те времена это была не кафешка, а обыкновенные пеньки для работающих лесорубов. Наш город маленький и древний, а по законам жанра именно в таких городах происходит что-то странное.

Когда Билл открыл стеклянную дверь «Мокко», над нашими головами зазвенел колокольчик. Пряные ароматы вперемишку с гарнирами моментально разыграли аппетит, дразня не только мое обоняние, но и желудок. Свободных мест почти нет – на обеденный перерыв сюда сбегаются многие,

включая школьников, которые как и мы, проголодались после утомительного учебного дня. Шахматный пол как всегда блестел от чистоты, красные кожаные диваны исписаны пожеланиями и сплетнями – хозяин кафешки, Джей Джей Голд, потомок основателя, мужчина средних лет, не против таких проделок. Наоборот, он решил, что надписи на диванах – фишка «Мокко».

Билл, отыскав свободный столик, плюхнулся на диван и глубоко вздохнул, мечтательно уставившись в окно, за которым открылся вид на автостоянку. Я села напротив и сразу схватила меню.

– Помню, я задолжала тебе коктейль и черничный кекс, – пальцем проводя по названиям блюд, сказала я.

План таков: задобрить Билла сладким, усыпить его бдительность, рассказать ему о Генри и избежать ссоры.

– Мне не даёт покоя один факт, – не ответил мне брюнет, взъерошив свою шевелюру. – Убийства происходили только с потомками семей основателей, а всего их сколько? Пятнадцать?

– Да, а что? – я отложила меню, и наши взгляды с ним пересеклись.

– Убиты двенадцать человек из пятнадцати, значит, остались ещё трое. Нужно сверить фамилии основателей и узнать, кто остался на десерт.

Спустя столько времени выученный наизусть список жертв снова пригодился. Я ахнула.

– Я знаю, кто следующие.

– Ах да, ты ведь ходячая информация, – не удивился Билл, жестикулируя.

Воспоминания вдруг захлестнули, и стало тяжело на сердце. Вспомнились те чёрные дни, когда каждый показывал на меня пальцем, когда собственные родители отвернулись, когда привычный мир разрушился...

– Как ты сказал, на десерт остались Бирди, Голд и Лордонгов, – понуро произнесла я, пытаясь избавиться от преследовавших меня событий прошлого.

– Черт возьми... У старухи Бирди есть сын, но он не живет в Салли Хилл.

– Значит, цель – она или её муж.

Билл только было открыл рот в попытке что-то ответить, как над нами нависла чья-то тень. Обернувшись, мы застали перед собой парня с белобрысыми волосами и ровным загаром. Только не это... Ещё слишком рано!

– Я не помешал? – спросил тот и сел рядом со мной, обращаясь при этом к Биллу.

От Генри пахло сигаретами и крепким одеколоном, который невозможно не услышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.